

Галина Вильченко

Поиски ребёнка

Алька и её друзья

Галина Вильченко

Поиски ребёнка. Алька и её друзья

«Издательские решения»

Вильченко Г.

Поиски ребёнка. Алька и её друзья / Г. Вильченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969152-1

Озеро, густой лес и плач ребёнка. Она бросается на плач, но застревает в густых зарослях. Этот сон снится Але уже неделю. Она понимает, что это пропавшая несколько лет назад дочь зовёт её на помощь. А раз милиция не может найти девочку, надо искать самой.

ISBN 978-5-44-969152-1

© Вильченко Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Поиски ребёнка Алька и её друзья

Галина Вильченко

© Галина Вильченко, 2019

ISBN 978-5-4496-9152-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Аля сидит на зелёной траве на пологом берегу лесного озера и усиленно пытается вспомнить, где находится. Место знакомое, она точно здесь уже была, но в голове туман и тревога от неизвестности. Где она и что здесь делает? Озеро круглое, как будто его берега очерчены по циркулю. Вода неестественно голубая и прозрачная, отчётливо видны камешки на дне и мелкие рыбёшки, резвившиеся между ними. Вдруг большая сине-чёрная туча закрыла солнце, поднялся ветер и хлынул ливень. Но Аляка не чувствует струй дождя, просто видит, что он идёт, но сама остаётся сухой. Сквозь шум дождя и ветра до неё долетает посторонний звук. Она прислушивается – звук повторяется. Где-то рядом плачет ребёнок. Аляка вскакивает и пытается бежать на плач, но не может сдвинуться с места. Она делает очередную попытку, вздрагивает и просыпается. Этот сон снился ей всю последнюю неделю.

Аля встала и зашла в детскую. Дети спали, она поправила им одеяла и пошла на кухню. Налила холодной воды из-под крана и выпила. Она всегда, когда волновалась, пила холодную воду маленькими глотками. Этот способ успокоить нервную систему Аляка вычитала в одной очень толстой и умной книге, и применяла его на практике. Вот только на её нервную систему способ почти не действовал.

«Так больше продолжаться не может, я сойду с ума, надо самой искать ребёнка. Сегодня же и начну. Для начала поговорю Алёной, вдруг она вспомнит что-нибудь», – решила Аля и посмотрела на часы. Всего четыре часа. Она вернулась в спальню и забралась под одеяло, но сон окончательно покинул её. Стоило ей только закрыть глаза, как ясно видела маленькую девочку, протягивающую к ней ручонки. Аккуратно подстриженные темные волосы девочки обрамляли круглое личико, зелёные глазки жалобно смотрели по сторонам, а пухлые губки звали маму. Аляка накрылась одеялом с головой и заплакала.

Четыре года назад она родила двойняшек – мальчика и девочку. В день выписки из роддома малышка исчезла, её так и не нашли. Первые три месяца Аля не могла спокойно спать, ей чудился плач ребенка. Со временем боль не утихла, она загнала её глубоко внутрь себя, но плач ребёнка по ночам больше не снился. Да и времени для грусти не оставалось: работа, учёба в институте и двое детей, Вася и Таня, не давали ей скучать. Но последнее время пропавшая Алёнка опять начала сниться. Девочка плакала и просила о помощи. Аля чувствовала, что она где-то рядом. И чувствовала, что нужна ей.

Утром дети не хотели просыпаться. Василёк прятал голову под подушку, а Таня откровенно капризничала. Она сидела на кровати с закрытыми глазами и плакала. По её лицу текли крупные слёзы, сквозь которые было слышно «не хочу в садик!» Вначале Аля уговаривала детей, потом рассердилась:

– Так, если вы сейчас не проснетесь, я одна уйду в садик, а вы будите весь день одни, голодные.

Аля оделась и пошла к выходу. Уже открывая дверь, услышала Танин голосок:

– Я плоснулась!

– Я тоже! – вторил ей Василёк.

Аля улыбнулась и вернулась в детскую. Она подошла к Тане, взяла её на ручки и чмокнула в носик:

– С добрым утром, солнышко мое!

Таня обняла её ручонками и зашептала на ухо:

– Аля, давай не пойдём сегодня в садик, а позовём доктола и скажем, что у меня болит живот.

– Обманывать не хорошо, даже доктора, – улынулась Аля, поставила девочку на пол, – обувай тапочки и беги в туалет.

Таня быстро натянула тапочки и побежала занимать туалет. Она видела, что из своей кровати вылезает Вася, и хотела его опередить. Аля взяла сына на руки и тоже чмокнула его в носик:

– С добрым утром, сыночек!

Василёк тоже обнял её и что-то зашептал ей на ухо. Аля засмеялась.

– Нет, Василёк, нельзя. Возьми лучше машинку, а Танину трубу мы оставим дома. Нас с ней в садик не пустят. Беги в туалет и умываться. И быстренько, а то опоздаем.

Она поставила сына на пол и пошла проверить, почему так долго застряла в туалете Танюша. Но оказалось, что до туалета девочка не дошла. По пути ей встретился, на свою беду, всеобщий любимец чёрный пушистый кот Плутон, он же Плут, он же Плутоса, он же Плуттик, а также Хулиган, Разбойник и ряд других кличек такого же свойства. Таня решила, что сегодня он выглядит на редкость лохмато, и решила его причесать. Она зажала беднягу между ног и возила расческой по его голове и спине. Кот терпел. Плутон вообще всё терпел от детей: и причёсывание, и завязывание бантиков на ушах, и бантики на шее, и даже носочки на лапах, которые часто надевал ему Василёк.

– Таня, мы опаздываем. Быстро умываться! – поторопила девочку Аля.

– Ты хочешь, чтобы Плуттик был некласивый? – возмутилась Таня.

– Он и так красивый, – Аля взяла кота на руки и чмокнула его в нос.

Плутон обреченно прищурил глаза, весь его вид говорил: когда же вы, наконец, уйдете, и я смогу спокойно поспать?! Аля улынулась и отпустила кота, тот быстро спрятался от людских глаз. Наконец, дети оделись, Аля взяла их за руки, и они отправились в детский садик.

Вот уже три года Аля работа в детском саду. Идти работать в садик ей предложила соседка тётя Люба – Любовь Андреевна Князева, которая работала заведующей этим детским садом. На прежней работе садик дали только Васильку, а Тане не дали, так как девочка не была её дочерью. Она была дочерью Алькиной подруги Юльки, которая уехала с мужем к месту его службы на Дальний Восток и где-то там пропала.

– Иди к нам, Аля, и детей пристроишь и сама тарелку супа съешь. А то посмотри на себя? Совсем исхудала, кожа да кости остались, да глаза, – говорила Любовь Андреевна.

Аля согласилась, жить ей на что-то надо было. Конечно, в детском саду маленькие зарплаты, но зато дети пристроены, и она всегда сможет за ними присмотреть. И садик рядом с домом, что тоже немаловажно. Тащить двоих маленьких детей в общественном транспорте в центр города в часы пик – архитяжелейшая задача для любой женщины.

Едва Аля перешагнула порог детсада, как из своего кабинета выглянула Любовь Андреевна:

– Аля, ты сегодня одна, Марина заболела, – предупредила она.

– Опять? Любовь Андреевна, это не честно, я всю ту неделю одна работала, ещё и эту? Я так тоже заболею – у меня будет нервный срыв.

– Ну что я могу поделывать? Не хотят к нам идти работать. Вот ты окончишь институт, останешься в саду?

– Не знаю, я об этом пока не думала. Мне ещё учиться, учиться и учиться! Любовь Андреевна, вы не волнуйтесь, я и одна справлюсь, только ведь хотелось бы и что-то получить за работу, а то работаю за двоих, а получаю за одного, причем за менее оплачиваемого. Нарушается главный принцип социализма: от каждого по способностям – каждому по труду.

– Ладно, Аля, я подумаю, иди работай, – Любовь Андреевна закрыла дверь.

– Так, – произнесла Аля, – значит, опять не заплатят, надо торговаться насчет отгулов.

Она отвела детей в группу и отправилась к заведующей. Подошла к двери и постучала.

– Аля, отгулы я тебе пока тоже дать не могу, сама знаешь, некому работать! – прокричала Любовь Андреевна из-за закрытой двери.

Аляка вздохнула и пошла принимать детей. Весна в этом году выдалась ранней и теплой, и многие родители пораньше увезли своих детей на дачу, в деревню к бабушкам и дедушкам, поэтому детей было немного. Она быстро отметила, кого привели родители, сделала с ними зарядку и велела мыть руки, а сама побежала за завтраком. Увидев манную кашу, Аляка улыбнулась, представив, как Танюша опять будет жаловаться, что её заставляют есть кашу с комочками. Манную кашу Танюша не любила из принципа, потому что её любил Вася. Зато Вася из принципа не ел геркулес, потому что его любила Таня. Дома Аля готовила им отдельно, одному манную кашу, другому геркулес. Подстраиваться под их капризы в саду никто не собирался, поэтому и прибегали ей жаловаться то Танюша, то Василёк, а то и оба вместе. Когда Аля принесла завтрак, она застала в группе довольную Любовь Андреевну и девушку лет девятнадцати.

– Вот, Аля, это Нина Николаевна, будет проходить у нас практику, так что сегодня ты не одна будешь работать. Удачи! – заведующая ушла.

– А почему дети были в группе одни? – сразу же спросила новоиспеченная воспитательница недовольным голосом.

– По кочану! Сама догадайся, – буркнула Аля, раскладывая кашу по тарелкам.

– А ты мне не тыкай! – возмутилась Нина Николаевна.

– Ты мне тоже, – спокойно ответила Аля.

– Я воспитатель, а ты нянька и должна меня слушаться! – повысила голос практикантка.

– Слушай ты, воспитатель, почему ты пришла на работу с опозданием на час? Еще бы к двенадцати пришла! И веди себя, как подобает практикантке, а то получишь за практику пару и не видать тебе стипендии, как своих ушей, – предупредила её Аля и повернулась к тихим ребятишкам. – Дети, все вымыли руки?

– Д-а! – ответил нестройный хор детских голосов.

– Тогда быстро за стол!

И сразу же к Алевтине подбежали несколько детей. Аля улыбнулась, глядя на них. Она прекрасно знала, что сейчас они будут заверять её, что позавтракали дома и есть не хотят.

– Нет, котята, кашу надо съесть, а то так и останетесь маленькими, – опередила она их.

– Алевтина Лопатовна, я прошлый раз съел всю кашу, пришёл домой, померился и совсем не вырос! Можно я не буду есть кашу? – проговорил Дима Кудрин, черноволосый мальчуган с красивыми темными глазами.

– Димочка, чтобы вырасти, как твой папа, надо съесть много-много каши, так что быстро за стол!

Димин папа под два метра ростом, был самым высоким папой во всём детском саду, и Димка им очень гордился.

– Быстро все сели за стол! – прокричала Нина Николаевна.

Вздогнули не только дети, но и Аляка, которая вообще не любила кричать, а уж на детей тем более.

– Нина Николаевна, вы на практике в детском саду, а не в армии на плацу, говорите тише, – тихо, что бы не слышали дети, недовольно сказала Аля.

– Завтрак уже должен по расписанию закончиться, а вы все разводите с ними разговоры. Так, все встали из-за стола! Кто не успел позавтракать, останется голодным, – снова приказала Нина Николаевна.

– Вы только что приказали им сесть, – напомнила Аляка, – через час дети захотят есть, большинство детей дома не завтракают.

– Значит, надо было есть в положенное время, раз вы их не успели накормить, они останутся голодными, я на вас напишу докладную. Так дети, а теперь все на улицу!

Дети загалдели, но Нина Николаевна прикрикнула на них, построила парами и увела на площадку.

– Вот дура, – пробурчала Аляка и принялась мыть посуду.

– Аля, а злая тётя ушла? – спросила Танюша, заглядывая в группу.

– Ушла. Как ты, солнышко моё? – Аля присела около девочки.

– Плишлось есть кашу, – обречённо доложила Таня. – Алла Алкатьевна сказала, что если я не буду есть, то она меня к тебе в глупую отпавит, а у тебя тётя злая. А сейчас мы гулять собиаемся.

– Беги, Танюша, а то без тебя гулять уйдут, – Аля улыбнулась девочке.

Таня убежала. Аля помыла посуду, прибрала в группе и спустилась к заведующей.

– Любовь Андреевна, скажите честно, вы надо мной издеваетесь? Что я вам сделала? – спросила она, переступив порог.

– Почему? – удивилась Князева.

– Зачем вы мне дали эту практикантку?

– Так ведь ты сама не хотела работать одна, а практикантки нам как находка, Аллу в отпуск отпущу.

– Так у нас не одна практикантка?

– Три. Да что случилось?

– Почему мне эту дали?

– Так она отличница, я думала, ты довольна будешь.

– Знаете, что-то мне не везет с работой. То меня упрекали, что я работаю в торговле, называли торгашкой. Теперь упрекают, что я нянькой работаю. Знаете, что? У нас дворника нет, так вы меня переведите в дворники. Буду приходить двор убирать рано утром или поздно вечером, чтобы не встречаться с образованными людьми.

– Что с тобой сегодня, Аля? Ты случайно не заболела? – забеспокоилась Любовь Андреевна. – Ты поругалась с этой девушкой? Аля, но она же сама ещё ребёнок!

– Мне всё равно, ребёнок она или нет, но оскорблять себя я ей не позволю, так что боюсь, ей завтра придется одной работать на группе. У меня Танюша каждое утро говорит, что у неё живот болит. Завтра вызову врача.

– А тебе детей не жалко будет оставлять с Ниной Николаевной? – усмехнулась Любовь Андреевна.

– Так ведь она же отличница, комсомолка и, наконец, просто красавица. Вот пусть и проходит практику по полной программе. Может, тогда научится уважать труд других людей.

– Аля, успокойся! Что с тобой сегодня? Я тебя не узнаю.

– Мне Алёнка снится. Я должна её найти иначе с ума сойду.

– Если милиция не смогла найти по горячим следам, сейчас ты тем более не найдешь. У тебя же и так двое!

– Алёнка моя кровь, мне надо знать, что с ней всё в порядке. А вдруг она в детском доме, или у алкоголиков?! Да всё равно где, моё сердце подсказывает, что ей плохо.

– Но детей не воруют, чтобы потом сдать в детский дом. И алкоголикам ребёнок не нужен...

С улицы донесся детский плач и возмущенный голос Нины Николаевны. Аля вскочила:

– Это Димка! Тётя Люба, я побегу? – не дожидаясь разрешения, Аля побежала на площадку, откуда доносились плач ребёнка и сердитый голос практикантки. Любовь Андреевна последовала за ней.

Увидев Алю, Дима бросился к ней. Она обняла мальчика и ласково спросила:

– Что случилось, Димочка?

– Вот! – мальчик протянул ручонку, на которой виден был след от крапивы.

– Так это тебя крапива укусила, сейчас я подую, и всё пройдет. Где же ты на площадке крапиву нашёл? – Аля стала дуть на руку мальчика.

– А это не он нашёл, это злая тётя нашла! – появилась рядом Танюша.

Аля посмотрела в сторону площадки. Дети сидели на веранде, Нина Николаевна стояла с крапивой в руках. Аля посмотрела на заведующую.

– Алевтина Липатовна, скоро обед, забирайте детей и идите в группу, а с ней я сейчас поговорю, – сказала Любовь Андреевна и направилась к Нине Николаевне.

После обеда, уложив малышек в кровати, Аля села так, чтобы все видели её, и она видела всех.

– Я расскажу вам сказку о храбром Мальчише-Кибальчише, про его твердое слово и неразгаданную военную тайну.

Малыши слушали сказку, затаив дыхания. Аля обвела взглядом кровати. На неё смотрели горящие и взволнованные глаза. Она продолжила:

– Да что же это за страна такая, где даже такие малыши знают военную тайну и так крепко держат своё твёрдое слово! – воскликнул Главный Буржуин. – Идите, буржуины, и погубите этого Мальчиша-Кибальчиша!

Как громаы загрели боевые орудия, как молнии засверкали огненные взрывы, как ветры ворвались конные отряды! Это наступала Красная Армия! А при первом же грохоте войны забурлили в Горном Буржуинстве восстания, и откликнулись тысячи гневных голосов и из Равнинного Королевства, и из Снежного Царства, и из Знойного Государства! И в страхе бежал Главный Буржуин, громко проклиная страну с её удивительным народом, непобедимой армией и неразгаданной военной тайной!

А Мальчиша – Кибальчиша похоронили на зеленом бугре у Синей Реки, и поставили большой красный флаг:

Плывут пароходы – привет Мальчишу!

Пролетают летчики – привет Мальчишу!

Пробегают паровозы – привет Мальчишу!

А пройдут пионеры – салют Мальчишу!

Аля закончила сказку и посмотрела на детей. Они не спали и очень внимательно и с надеждой смотрели на неё. Потом у некоторых появились слёзы на глазах.

– Алевтина Лопатовна, вы неправильно закончили сказку. Мальчиш не погиб, его Красная Армия спасла, это Плохиш погиб, только ему не ставили памятник, потому что он плохой. Это же сказка, а в сказках всегда добро побеждает зло! – поправил её Димка.

Остальные поддержали его. Аля улыбнулась.

– Хорошо, раз вы считаете, что его спасла Красная Армия, то пусть будет, что спасла, – согласилась она.

– А памятник? – спросила Анечка, маленькая белокурая девочка. – Кому же поставили флаг?

– А флаг поставили на братскую могилу, в которой похоронили отцов и братьев, – сообщил Димка.

– Вот видите, всё вы у меня знаете, – улыбнулась Аля, – а теперь лежите тихо, скоро придёт Нина Петровна, а мне пора домой собираться.

Аля вышла из спальни и занялась уборкой игровой комнаты. Она расставила стульчики, положила на место книги и игрушки, быстро протёрла пол. Вскоре пришла Нина Петровна. Аля передала ей детей и заторопилась домой.

По дороге её догнала Любовь Андреевна.

– Вы поговорили с Ниной Николаевной? – спросила Аляка.

– Поговорила. Аль, ты не сердись на неё, она девочка неплохая, но только считает, что её дети слушаться не будут, потому что голос тихий. Ей в училище так сказали и велели выработать голос и твёрдый характер, вот она и предвеляет установки педагогов в жизнь. Я с тобой вот о чём хочу поговорить: переходи в воспитатели, Марина скоро уйдёт в декрет, а ты на её место.

– Тётя Люба, вы думаете, у меня получится? – испугалась Аля.

– У тебя уже получается, и дети тебя любят. Да и работаешь ты фактически как воспитатель последние полгода.

– Подумать можно?

– Можно, но не нужно, завтра я приказ издам и тебя утром с ним ознакомлю.

– Я завтра во вторую смену.

– Значит, ознакомлю после обеда. Пока, Аля.

– До свидания, тёть Люб.

Алька улыбнулась. А почему бы и нет? Не век же работать няней?

Глава 2

Аляка зашла в дом, и сразу же ей бросился в глаза листок с планом поиска Алёнки, который она написала давно, года три назад, и который вытащила утром из ящика письменного стола. Она взяла его в руки и прочитала:

1. Почему украли ребенка?

- Чтобы навредить мне
- Не было своих детей
- Продать кому-нибудь другому
- Ребенок умер по вине кого-нибудь из медперсонала, а они боятся признаться, поэтому инсценировали похищения.

Аля стала рассуждать: чтобы навредить мне. Так, кто у меня враги: Михаил. Он мог, конечно, додуматься своими дурными мозгами до такого, но воплотить в жизнь не мог, так как сидит в тюрьме. Мстить мне недобитым его ханурикам смысла нет, они меня не знали. Так, этот идиот отпадает. Кто же ещё? Валентина Андреевна, жена Кирилла. Она могла всё, и додуматься и воплотить в жизнь. Её надо проверять в первую очередь. Но если это она, то куда дела ребёнка? Ладно, выяснится по ходу следствия. Кто ещё? Мать Кирилла. Эта тоже могла всё организовать, к тому же она могла действовать вместе с Валентиной. Кто же ещё? Демченко? Навряд ли, до такого она не додумается, да и зачем ей? Она усыновила ребёнка, а про меня, возможно, даже не вспоминала и не вспоминает. Да и не враг она мне, просто неприятная баба. Её пока даже трогать не буду. Кто же ещё? Господи, да у меня и врагов, оказывается, нет! Так по этому пункту пока хватит.

Теперь дальше: не было своих детей. Это ещё сложнее, детей нет у многих. Но зачем красть ребёнка? Глупее вопроса придумать нельзя! Для того, чтобы был. Тогда понятно, почему у меня украли. У меня родилась двойня, вот похититель и подумал, что мне не так обидно будет, один ведь ребёнок останется. Но в таком случае, в пропаже ребёнка замешан кто-то из персонала. Ведь не мог же кто-то с улицы прийти и забрать малышку?

Дальше: продать. Продать можно тому, у кого их нет, так что эти два пункта можно объединить.

И что я имею? По первому пункту у меня двое подозреваемых: Валентина Андреевна и Анна Власовна. И обе они связаны с Кириллом, если он узнает, что я под них копаю, он мне голову оторвёт. Но проверять их надо. И начну я с Валентины Андреевны. Она в то время работала и имела возможность украсть мою малышку. Господи, я уже уверена, что это она! Так, забыть про неё. Если не она, тогда Анна Власовна? Но эта старуха хитрая, сама ничего делать не будет, наймёт исполнителей, о существовании которых я даже не подозреваю. Как же я её ненавижу! И как же я люблю Кирилла, как хочу, чтобы он был рядом! Господи, сделай так, чтобы он был жив и здоров. Пусть он любит Валентину, пусть даже будет ей верным мужем, хотя это не обязательно, лишь бы был жив и здоров.

Эту молитву Аля повторяла каждый вечер, и ей думалось, что она помогает любимому, но не любящему её, мужчине. Она ещё раз перечитала свой план и пришла к выводу, что надо звонить Куниной.

Аля взяла в руки телефон, прошла в зал и удобно уселась в кресло. Она немного посидела с закрытыми глазами, обдумывая разговор с Алёной Борисовной, потом начала крутить диск.

– Аллю, здравствуй, тётя Алёна, это я.

– Здравствуй, Аля! Как дела, как дети?

– Спасибо, всё нормально. Тётя Алёна, мне сегодня предложили перейти в воспитатели, как думаешь, стоит соглашаться?

– Конечно, стоит.
– А я боюсь.
– Не бойся, Аля, всё будет хорошо.
– И мне опять снится Алёнка, она плачет и зовёт меня.
– Аля, девочка моя, что же теперь делать?
– Мне снится, что её украли Валентина Андреевна, чтобы навредить мне, а мать Кириллы ей помогала. Тётя Алёна, я хочу проверить их. Чем чёрт не шутит?

Алёна Борисовна помолчала.

– Аля, у тебя невероятные предположения, – наконец произнесла она. – Одно дело отбить у женщины мужчину, и совсем другое – украсть у неё ребёнка.

– Вот я хочу или опровергнуть эти предположения, или подтвердить. А ты не знаешь, милиция их проверяла?

– Не знаю.

– А где она была в то время? – осторожно спросила Аля.

– Не знаю, но если хочешь, постараюсь выяснить. Ты за этим звонила?

– Не только, мне просто стало одиноко, и я решила позвонить. Девчонок в городе нет – Ася на Украине, Лариса в Междоузерске, Наташа курсовую делает, ей сейчас некогда. Тётя Алёна, а ты можешь сказать, у кого в то время ожидалась проблемные роды?

– Ты спрашиваешь, у кого? Да у тебя! – засмеялась Кунина.

– Я серьёзно, – обиделась Аля.

– Аля, у всех лежащих на сохранении женщин были какие-нибудь проблемы.

– А у кого родились не совсем здоровые дети, или ребёнок умер?

– У кого родился больной ребёнок, я тебе не скажу, это врачебная тайна, а смерти детей в то время не было. Аля, если ты задашь ещё хоть один вопрос, я расскажу о твоём интересе генералу, – пригрозила Алёна Борисовна.

– А на те, что я уже задала, ответишь? – спросила Аля.

– Постараюсь. Я к тебе забегу на днях, – пообещала Алёна Борисовна.

– Тогда до встречи, – Аля положила трубку и задумалась. – А ведь и правда может так быть, что кто-то родил больного ребенка, потом его дел куда-нибудь, а мою Алёнку выдал за свою дочь. Но тогда больной должна быть именно девочка и искать надо среди тех женщин, которые родили девочек. Я хорошо помню, что девочек родилось больше, чем мальчиков. В нашей палате мальчик был только у меня. Да, узнать про больных детей надо обязательно.

Аля посмотрела на часы и заторопилась в садик за Васильком и Танюшей.

Утром Аля позвонила Зине и договорилась с ней о встрече. Зина лежала в роддоме с Алей на сохранении, и родила только на три дня позже. Встретиться договорились в парке, в одиннадцатый час. Зину Аля увидела издали, она сидела на скамейке у фонтана и непрерывно смотрела на детскую горку, на которой катался её сын.

– Привет, подруга! Давно ждёшь? – Аля села рядом.

– Да совсем не жду, мы здесь с Тёмкой на прогулке. Он у меня такой вертлявый, прямо спасу нет! Всюду лезет, везде успевает и всё ему знать надо. Если бы у нас не было бабушек и дедушек, даже и представить себе не могу, как бы с ним справлялась. А твои как?

– Сейчас в садике, Василёк спокойный мальчик, любит с кубиками играть, строит разные башни, а потом их разрушает и очень радуется грохоту. Ещё у него хобби ломать машинки, разломает, а потом капризничает, что не может собрать. А Таня – это птица Говорун. Всё что-то говорит, о чём-то рассуждает, любит, чтобы всё было, как она хочет. Зин, я вот о чём хочу

с тобой поговорить, ты не можешь вспомнить, кто вместе с нами лежал в роддоме, и у кого родился или мертвый ребёнок, или не совсем здоровый?

– Это так давно было, дай подумать. А ты сама, что помнишь?

– Так ведь я долгое время лежала в боксе и меня не выпускали из него, но если честно, я не помню. Я общаюсь с некоторыми мамами, но я знаю их деток, моей Алёнки среди них нет.

– Про Демченко ты знаешь, из нашей палаты, кажется, у всех всё нормально с детьми было. Да, ещё была женщина из Белоруссии, она приехала в гости и у неё начались преждевременные роды. Женщина не молодая, у неё уже были три девочки, они с мужем хотели мальчика, но родилась опять девочка. Так вот, у той девочки была какая-то аномалия, то ли шесть пальчиков на ножке, то ли, наоборот, не хватало. Я не вникала, для жизни это роли не играло, и мать не расстраивалась. За ней муж приезжал. Вот его я запомнила. Высокий, здоровый, загорелый! Картинка, а не мужик, комбайнером в совхозе работает. Аля, тебе надо с персоналом поговорить.

– Да я уже разговаривала с Алёной, но она ничего не говорит, твердит про врачебную тайну.

– А ты не с врачами разговаривай, а с нянечками и санитарками. Они всегда всё знают и врачебной тайной не связаны. Тётя Паша, кстати, живёт рядом со мной, и мы часто видимся. Поговори с ней. Она уже не работает, очень за тебя переживала, что это она у тебя девочку забрала, вот и уволилась. Месяца три поработала, и когда поняла, что девочку так и не найдут, уволилась. Всё в церковь ходит, свечки ставит.

– А удобно? А то ещё больше разбережу её раны.

– Удобно, она часто спрашивает про тебя, интересуется, как твои детки растут. Пойдём к ней. У тебя время есть?

– Я сегодня с двух, могу на час задержаться, пока тихий час идёт, только надо предупредить Любовь Андреевну.

– Тогда не будем тянуть время и пойдём к бабушке в гости. По дороге купим торт к чаю, – Зина встала и пошла к горке за сыном.

Увидев Альку, тётя Паша прослезилась.

– Аленька, как же я перед тобой виновата, не забирай я у тебя тогда девочку и не украли бы её.

– Тётя Паша, успокойтесь, вы здесь ни при чём. Ведь если мою дочь хотели украсть, они украли бы её в любом случае, не в роддоме, так у меня из дома. А если им было всё равно, кого взять, то взяли бы другого ребёнка, – стала успокаивать старушку Аля.

– Тётя Паша, Аляка решила сама найти девочку, только ей надо кое-что узнать. Ты можешь нам? – обратилась к ней Зина.

– Конечно, помогу, если смогу. А что вы узнать хотите?

– Тётя Паша, вы можете вспомнить, кто лежал с нами в роддоме и у кого родился больной ребёнок? – начала задавать вопросы Аля.

– Да где же это всех упомнишь? А детки в основном все хорошие были, если и были какие-то неполадки, так всё по мелочи. Одна мамаша родила богатыря, под пять килограммов, так у него сломано плечо было. Ещё у одной девочки, Танечки, помните студентку, беленькую такую, так у её девочки аллергия была на грудное молоко. Кто ещё? Да, в одном боксе барышня лежала, вот у её девочки было что-то серьёзное, только она выписалась, когда ты, Аля, ещё не родила. Её я плохо помню, она вся из себя была, заносчивая очень. Если тебя, Аля, не могли в боксе удержать, ты всё норовила выскользнуть, то она, наоборот, к себе никого постороннего не пускала. Только врача и родственников.

– К ней что, родственников пускали? – удивилась Аляка.

– Пускали.

– А почему ко мне не пускали?

– Так ведь у тебя и родственников нет, а Алёна Борисовна и Алёша и так к тебе в любое время могли ходить. Твоя болезнь очень их перепугала, вот они и запретили тебя навещать подругам, боялись, что ты опять что-нибудь подхватишь.

– Тётя Паша, а что вы можете ещё сказать про эту даму? Я её совсем не помню, а ведь я пролежала долго в роддоме.

– Я её тоже плохо помню, а вот навещал её один мужик видный, то ли в обкоме работал, то ли ещё где, но пост занимал большой. На машине всегда приезжал, с личным водителем. Главный врач перед ним на цыпочках бегал.

– Тётя Паша, если у её ребенка был порок сердца, значит, её выписали не домой, а в детскую больницу? – спросила Зина.

– Нет, в том то и дело, что домой. Они собрались везти ребенка на операцию в Москву, только наши врачи говорили, что операцию раньше года делать всё равно не будут.

– И как её зовут, вы не помните? – поинтересовалась Аля.

– Кажется Рита, а вот фамилию не помню. Ты у Алёны своей спроси, уж она-то точно её помнит.

– Обязательно спрошу. Тётя Паша, скажите, а вы не помните, Валентина Андреевна не приходила в тот день?

– Нет, её я не видела. Да, по-моему, её вообще не было на работе. Она сразу, как ты родила, взяла больничный и на работу вышла уже после твоей выписки.

– А кто ещё работал вместе с вами?

– Леночка работала, она уволилась на следующий день, как ты выписалась, не сама уволилась, её уволила старшая медсестра, придралась, что Лена за детьми плохо следит, что они у неё плачут часто, что на кормление она их поздно возит, вот девчонку и уволили. А ведь это не её обязанности были, разносить детей на кормление. Лена должна была только пол мыть, но сами знаете, у сильного всегда бессильный виноват. Кто ещё работал? Сама Светлана была, это старшая медсестра детского отделения. Её ты, наверное, помнишь. Из врачей не помню кто был, дежурила Марина, но она всё время в родовой была, там у цыганки трудные роды были. Вот ведь как бывает, шестерых родила и ничего, а седьмого еле-еле, думали, не выходим и мать, и ребенка, а нет, уже на второй день пришёл цыган, принес еды и питья на всю палату, и про нас не забыл. А через два дня она забрала ребёнка и ушла, только её и видели. Из детских врачей была Софья Ефимовна, ей очень нравились твои, Аля, детки. Спокойные, ели хорошо, здоровенькие.

– Спасибо вам, тётя Паша, – поблагодарила Аля старушку.

– Аля, поговори с Леночкой. Она немного не в себе была, придёт, бывало, в палату к детям и начинает рассказывать, что кого ждёт в будущем, да так складно, как будто видит всё. Вам интересно, что она про ваших говорила?

– Конечно! – в один голос воскликнули Аля и Зина.

– Сын твой, Зина, будет людей спасать, и женится на девушке, которую сам же и спасёт. Твой Василёк, Аля, пойдет по стопам отца, Алёнка будет такая же непоседливая, как ты.

– Хорошо, если бы пророчества этой Леночки сбылись, – мечтательно произнесла Аля. – Тётя Паша, а что она про Таню говорила?

– Так ведь когда родилась Танюша, Лена уже не работала.

– А что значит, спасать людей? Он что, врачом будет? – спросила Зина.

– Не знаю, – развела руками тётя Паша.

– Мне пора на работу, – вздохнула Аля. – Тётя Паша, а Лена не говорила, моя Алёнка найдется?

– Аля, кто же мог подумать, что она пропадёт?

– Да, конечно, извините.

Девушки попрощались с тётёй Дашей и ушли. Аляка поехала сразу на работу, а Зина вернулась в парк. Ей хотелось посидеть в тишине и помечтать.

Вечером, уложив детей спать, Аля записала, что она узнала за день, и наметила себе план работы на завтра. Появились новые действующие лица. Это санитарка Леночка, старшая медсестра детского отделения Светлана, загадочная Рита. Врачей пока можно не трогать, и цыганку тоже. Врачи, скорее всего ничего не скажут, а цыганку очень трудно будет найти. Для начала Аля решила узнать всё, что можно про Леночку и Светлану, тем более, что по словам тётёи Даши, они жили в одном районе.

Глава 3

Елена Владимировна Глущенко проживала на другом конце города в районе новостроек. Высокие новые дома соседствовали со старыми послевоенными двухэтажками, в одной из которых и жила Лена. Дом явно готовился на снос. Некоторые квартиры уже пустовали, кое-где были выбиты стекла, дверь в подъезде еле держалась на одной петле. Аля подошла к третьей квартире и поискала глазами звонок. Не нашла его и громко постучала. Тишина. Аля ещё раз постучала. Открылась дверь соседней квартиры и из неё выглянула маленькая седенькая старушка.

– Ты ищешь кого, дочка? – вежливо спросила она.

– Да, бабушка, Лену Глущенко, мне дали этот адрес.

– А ты откуда будешь, что ищешь Лену? – удивилась старушка.

– Я из женской консультации, – выпалила первое, что пришло на ум, Аля.

– А зачем же вам Лена понадобилась? – ещё больше удивилась старушка.

– Она врача не посещала уже почти три года.

– Проснулись, родимые! Лена уже давно в психушке лежит, а мать-алкоголичка и рада, что девчонка в больнице. Теперь вот получит жилплощадь на неё и сдавать будет, а деньги пропивать. А бедной девчонке даже яблочка не отнесёт. Ты вот что, родимая, не стой на пороге, заходи ко мне. Я тебе много чего расскажу про эту семью.

Чувствовалось, что бабушке надоело проводить время в одиночестве и ей хотелось поговорить с живым человеком.

– Бабушка, я сейчас! – Аляка выбежала из подъезда и бросилась в ближайший магазин, купить что-нибудь к чаю.

Её бабушка Тоня любила баранки, она их размачивала в чае и, когда они становились мягкими, клала в рот. Но в магазине баранок не было, зато были сушки. Аляка купила килограмм сушек и вернулась к старушке. Увидев её с подарком, бабушка улыбнулась.

– Ой, сдается мне, милая, что ты не из консультации, и узнать про Лену хочешь не из праздного любопытства.

– Вы угадали, Лена работала в роддоме в то время, когда у меня украли ребёнка. Вот я и хочу с ней поговорить, вдруг она что-нибудь видела или слышала? – выпалила Аля.

– Так это у тебя украли ребёнка? Лена рассказывала, переживала за тебя, даже плакала. Мне кажется, она кого-то подозревала. Но давай я тебе всё по порядку расскажу. Наш дом построили очень давно, еще в сорок шестом. Но Глущенко поселились позже, Лена совсем маленькая была, года три всего. Семья как семья, отец Владимир машинистом был, а мать Люда на молокозаводе работала, Лену определили в садик. Она очень хорошенькой девочкой была, беленькая, глазки голубенькие, а какая послушная! Если отец или мать скажут нельзя, ни за что не слушается их. В доме Леночку любили. Беда случилась, когда она училась в классе пятом или шестом, я не помню. У нас тут недалеко детский дом был, дошкольный. Да не простой, слепые детки были. Людмила на работе была, а Владимир с Леной бросились спасать детей. Дети по углам забились, няньки да дежурный воспитатель сами перепугались. Володя разыскивал ребят и через окно Лене передавал, а она уже как могла оттаскивала их подальше от горящего дома. Потом нянечка с воспитательницей в себя пришли, стали ей помогать. Да из ближайших домой люди прибежали. Вроде бы всех вытащили, а когда стали проверять детей, двоих не досчитались. Володя опять в горящий дом бросился, а Лена вдруг как закричит: «Папа, не надо!». А он только улыбнулся ей, нашёл он тех ребятшек, только вот сам вылезти не успел, рухнула крыша.

– А где же пожарные были? – спросила Аляка.

– Пожарные приехали минут через двадцать, только за это время всё сгореть успело. Дом ведь старый был, еще довоенный, деревянный. Вот так и осталась Леночка без отца. Мат, вначале держалась, а потом Лена с подружкой дорогу перебежали, и их машина сбила, прямо на переходе. Подружке ничего, а Лена сильно пострадала. Операция несколько часов шла, в реанимации она долго лежала, думали, инвалидом останется. Но выкарабкалась, только вот странная стала. Она ещё плохо ходила, я её навещала в больнице, раз и говорит мне: баба Валя, я видела папу. Я вначале думала, что он ей во сне приснился, а она говорит, нет, я его в другом мире видела. Я хотела к нему, но он меня не взял. И потом она очень часто папу вспоминала, всё сокрушалась, что он её к себе не подпускал. Вот Людмила и не выдержала, запила, с работы её уволили, Лена школу так и не закончила, вынуждена была уйти из восьмого класса, к тому времени ей всего четырнадцать исполнилось. Перешла в вечернюю школу. Она хорошо училась, почти на одних пятёрках. Пошла работать, вначале устроилась на завод, где мать работала, но у неё там не сложилось что-то, работать заставляли много, а платили мало, как малолетке. Да ещё и матерью всё время попрекали, что алкоголичка. Вот ведь как в жизни бывает, что отец совершил подвиг, спасая детей, не вспоминают, а про мать стараются напомнить девочке как можно чаще. Лена и ушла с завода, хотела устроиться на другой завод, но её не взяли по здоровью, с головой у неё не в порядке. Она подьезды мыла, а потом соседка её устроила в роддом. А три года назад её вдруг забрали в психушку, и оттуда Лена уже не вышла. Почему забрали, я не поняла. Пришла машина с красным крестом и увезла девочку. Я навещала несколько раз её и даже разговаривала с врачом, но так и не поняла, почему её забрали в больницу.

– А где она лежит?

– В Сухановке. Тебя к ней, наверное, не пустят, да и меня не пускают уже давно, только первые месяцы пускали. Говорят, что только родственникам разрешено её посещать. И с чего это вдруг? Какие у неё родственники, кроме матери-алкоголички?!

– А с её матерью поговорить можно?

– Не стоит, она совсем опустилась. Вот её как раз и надо было в больницу определить.

– Живёт она здесь?

– А где же ей ещё жить?

– Скажите, а соседка, которая Лену в роддом устроила, она кто? – спросила Аля.

– Тоже в роддоме работает, Света Рогожкина, только мне Лена говорила, что это она и выгнала её из роддома. Вроде Лена что-то сделала не то, что надо. Мне очень жалко девочку, но вот как ей помочь, я не знаю.

– Спасибо вам, баба Валя. Если я узнаю что-нибудь про Лену, обязательно расскажу, а теперь мне бежать надо, на работу скоро, – стала прощаться Аля.

– И где же ты работаешь, если не секрет? – поинтересовалась баба Валя.

– Не секрет – в детском саду, – улыбнулась Аля.

– Да ты что? Я тоже в саду работала, и дочка у меня в саду работала, теперь внучка работает. Династия у нас!

Аля ещё раз попрощалась с разговорчивой старушкой и побежала на работу.

О том, что в Сухановке расположена психиатрическая больница, Аля знала с детства. Когда одноклассники дразнили её Косой, и она как коршун налетала на своих обидчиков, частенько слышала в свой адрес: психопатка, тебе место в Сухановке! Но вот где находится эта пресловутая Сухановка, она не знала и никогда не интересовалась. Придя домой, Аля первым делом взялась за телефонный справочник и попыталась дозвониться до больницы, чтобы узнать, что надо для того, чтобы навестить Лену. Но у неё закралось подозрение, что в больнице нет ни одного здравомыслящего человека. Во всяком случае, телефон снимали только люди с больной психикой. Вначале вежливый голос поинтересовался, с какой целью она хочет посетить Глущенко.

– Как с какой? – удивилась Аляка. – Хочу проведать свою подружку детства. Меня давно не было в городе, я только неделю назад приехала, пошла к ней домой, и соседка мне сказала, что Лена лежит у вас в больнице.

– А как вы узнали номер телефона? – не отставала женщина.

– Просто, нашла в телефонном справочнике.

– И давно ваша подружка лежит в больнице?

– Давно, больше трёх лет.

– Знаете, девушка, вам надо звонить врачам, — сказала женщина на том конце провода.

– А я куда звоню? – удивилась Аля.

– В бухгалтерию.

– А вы не знаете номер телефона врачей?

– У вас же есть справочник, вот и ищите в справочнике.

Женщина положила трубку.

– Вот дура! – возмутилась Аляка, – полчаса пыталась, вместо того, чтобы сразу сказать, что я попала в бухгалтерию. Так, в справочнике всего два номера, один из них бухгалтерии, а второй?

Аляка снова начала крутить диск. К телефону долго никто не подходил. Наконец, трубку сняли и запыхавшийся женский голос рявкнул:

– Чаго надо?

Аля даже растерялась.

– С врачом поговорить, – не смело произнесла она.

– А чаго с ним разговаривать?

– Узнать, как чувствует себя моя подружка и можно ли её проведать.

– И кто это твоя подружка? – продолжала допытываться женщина.

– Лена Глущенко.

– Я тебе и без врача скажу: нечаго к ней приезжать, она всё равно тебя не узнает, только пол зря топтать будешь, а мне мыть потом. Надоели все, всё ходют и ходют! – и снова слышались противные короткие гудки.

– Ничего себе! – вслух произнесла Аляка. – Что значит, никого не узнает? Совсем того, что ли? А откуда они знают, что она никого не узнает, если к ней соседку не пускают, а больше её никто и не навещал? Очень странно! Интересно, а как можно попасть в эту больницу, чтобы пообщаться с Леной без всяких помех?

– Ты чего это сама с собой разговариваешь? – в дверях стояла Алёна Борисовна и улыбалась.

– Тётя Алёна! Как хорошо, что ты пришла! Тут такое дело, мне надо в психбольницу! – обрадовалась ей Аляка.

– Что? Зачем? – удивилась Кунина.

– Потом расскажу, ты мне скажи, что про Валентину узнала?

– Не было Валентины в тот день на работе, и в городе не было. Она уехала в Куйбышев к Анне Власовне сразу после твоих родов, взяла больничный лист и уехала, а на работу вышла уже после твоей выписки. Милиция их проверяла, обеих.

– Тётя Алёна, я поставлю чаёк и задам тебе ещё несколько вопросов, можно? – осторожно спросила Аля и посмотрела на неё умоляющим взглядом.

– Ладно уж, задавай, – разрешила Алёна Борисовна, – ты ведь всё равно не отстанешь?! Только я есть хочу, у тебя кроме испорченных сырков есть что-нибудь в холодильнике?

– Есть, – засмеялась Аля и поставила чайник на огонь, разогрела макароны и котлеты. Она не торопилась спрашивать Алёну Борисовну, ждала пока та поест, и будет более благодушна.

– Всё, Аля, я утолила голод, можешь приступать к допросу, – разрешила Кунина.

– Тётя Алена, ты помнишь Лену Глущенко?

– Помню.

– Расскажи мне о ней.

– Да я даже и не знаю, что рассказывать. Молоденькая несчастная девушка, мать алкоголика, отца нет, девочка не совсем здорова психически, говорит, что слышит голоса из другого мира, сочиняла разные фантастические истории, предсказывала будущее детей. Но предсказания у неё были хорошие, она говорила, что может видеть только хорошее. Её, кстати, и уволили за то, что она не досмотрела за детьми и в её дежурство пропала твоя девочка.

– Странно, она ведь была обыкновенной санитаркой, даже не санитаркой, а уборщицей, и совсем не должна была следить за детьми, но уволили только её. Почему? – сама не зная почему, Аля начала волноваться.

– Не знаю. Скорее всего, что надо было найти виноватого и отрапортовать о его наказании, вот девочка и попала под раздачу тумачков, – вздохнула Алёна Борисовна.

– А мне сказали, что она плохо работала, детей не носила вовремя на кормление...

– Аля, ты же сама сказала, что она была просто уборщица, в её обязанности не входило разносить детей на кормление. Конечно, санитарки помогали сёстрам, но по доброй воле.

– А Светлана Рогожкина? Что о ней можешь сказать?

– А она почему тебя заинтересовала? – удивилась Алёна Борисовна.

– Меня интересуют все, кто работал в тот день. Но врач была занята – были трудные роды у цыганки, Софья Ефимовна тоже всё время была занята, и они не оставались одни, с ними постоянно кто-то был. А вот где была Светлана, я не смогла установить. И еще! Лену на работу устроила она, и по ее указке девушку уволили.

– Светлана продолжает работать, одна растит сына, пока находится в активном поиске спутника жизни. Она весёлая, играет в народном театре, хорошо поёт и танцует. Вот и всё, что я про неё знаю. Кто тебя ещё интересует? – Кунина начала нервничать.

– Из сотрудников пока никто, а вот из пациенток меня заинтересовала некая Рита, ее фамилию почему-то никто не помнит. Она лежала в боксе, с другими пациентками не общалась, но её разрешилось навещать родственникам.

– Фамилия её Климова. Муж Климов Тихон Осипович, директор комбината надомного труда.

– Это что за комбинат? – удивилась Аля. – Я даже не слышала о таком.

– Работают на дому в основном инвалиды да молодые мамы, которым некуда деть ребёнка, к ним домой на машине из комбината привозят материал, а потом забирают готовую продукцию.

– Да? И что они делают? – заинтересовалась Аля.

– Честно скажу, не знаю, никогда не интересовалась, – пожалала плечами Алёна Борисовна.

– И что, Климов считается у нас в городе большой шишкой? – поинтересовалась Аля.

– Не знаю, я про него раньше вообще не слышала. А навещал Риту не муж, а товарищ Митрофанов Борис Севастьянович. Работает в обкоме, курирует здравоохранение, образование и культуру. Не знаю, как об образовании и культуре, но о фактическом положении дел в здравоохранении он понятия не имеет вообще. Я старалась с ним не общаться, лечащим врачом Риты был Пётр Сергеевич, меня только раз пригласили к ней на консультацию, но ничего серьёзного я у неё не нашла. Однако, на следующий день она родила девочку, если судить по срокам, то ребенок должен быть недоношен, но по всем признакам девочка родилась в положенный ей срок. Знаешь, Аля, мне Рита нравилась. Спокойная, воспитанная молодая женщина. Кстати, она у нас лежала недолго, выписалась под расписку.

– А про её ребёнка что скажешь?

– Ты и это узнала? Да, девочка родилась с пороком, но не безнадежная. Но вот что интересно, когда Рита уже была выписана, Митрофанов всё равно появлялся в роддоме. Я поинтересовалась у Виктора Петровича, кого он навещает, и получила странный ответ. Знаешь какой?

– Какой?

– Что навещает он свою сестру! И вот она лежала у нас долго, но когда родила и кого, я не знаю. Она родила после тебя, я уже была в отпуске. Эта женщина была полной противоположностью Рите. Ее вначале положили в отдельный бокс, но продержалась она там не больше суток и стала проситься в люди, поэтому ее перевели в общую палату.

– А почему вам показался странным ответ Виктора Петровича? Ничего странного нет в том, что брат навещает в больнице сестру.

– А странно то, что у Бориса появилась сестра. Я знаю его давно – мы окончили один институт. Учился плохо, но с первого курса занялся общественной работой и пошёл по этой линии. Он и сейчас мужчина симпатичный, а в молодости был вообще неотразим. Девчонки за ним бегали табунами, но вот о наличии у него сестры я не знала.

– А ты за ним тоже бегала? – ехидно спросила Аляка.

– Я не была исключением, и твоя мама, кстати, тоже, – засмеялась Алёна Борисовна.

– Тётя Алёна, а ты не поинтересовалась, что это за сестра у него появилась?

– Нет, Аленька, не поинтересовалась. Наоборот, я постаралась вообще о ней забыть. Я стараюсь держаться как можно дальше от товарища Митрофанова и его родственников и друзей.

– Почему?

– Этого я тебе не скажу, мне вообще неприятно о нем вспоминать. Тебя интересует Митрофанов или женщина? – спросила Алёна Борисовна с ехидными нотками в голосе.

– Пока женщина, но, возможно, и Митрофанов заинтересует, – серьезно ответила Аля.

– Женщину зовут Тамара, это всё, что я знаю о ней. Аля, основное место моей работы – гинекологическое отделение больницы, а не роддом, это я к тебе забегала туда каждый день, а так только дежурила и консультировала сложных больных. Думаю, Тамара не сестра Борису, а любовница, но краем уха слышала, что Тамара – это бывшая жена Климова. Когда она родила, у тебя уже пропала девочка, поэтому она, скорее всего, в пропаже ребёнка не замешана.

– Тётя Алёна, а у тебя есть знакомые в Сухановке? – осторожно поинтересовалась Аля.

– Есть, – коротко ответила Кунина.

– А ты не могла бы меня с кем-нибудь из них познакомить?

– Зачем?

– Я хочу поговорить с Леной.

– Аля, она больной человек. Да и не помнит, наверное, уже ничего, – с сожалением произнесла Алёна Борисовна.

– Я не собираюсь её пытаться, просто хочу поговорить по душам, как две молодые девушки.

– Ой, Аля, чует моё сердце, не ребёнка ты найдешь, а приключения на свою пятую точку. Хорошо, я тебе перезвоню и сообщу результат, а сейчас нам пора идти за детьми, скоро шесть часов. Ты не будешь возражать, если я сегодня их у тебя заберу? На выходные мы планируем съездить в Хвойную, а ты отдохнешь немного. И не забывай учиться, скоро экзамены!

– Я про учёбу никогда не забываю, но у меня эта сессия лёгкая, и контрольные работы я все сдала, так что могу немного и расслабиться. Тётя Алёна, а с кем это ты собираешься ехать в Хвойную? – подозрительно спросила Аля.

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали! Не скажу! Маленьким девочкам про это знать не положено, – засмеялась Алёна Борисовна.

– Всё понятно – с мужчиной! Только, тётя Алёна, маленькая девочка уже выросла и как раз про это ей очень интересно знать.

Они обе засмеялись.

По дороге в детский садик Аля спросила:

– Тётя Алёна, а что ты знаешь об отце Лены?

– Ничего. Она жила только с матерью.

– Да, правильно говорит баба Валя, про мать алкоголичку знают все, а про отца, да и саму Лену, забыли. Уже почти никто и не помнит, в честь кого названа одна из улиц нашего города – имени В. Глущенко.

– Ты хочешь сказать, что в честь её отца? Я всегда думала, что в честь какого-нибудь героя войны. А что он сделал?

– Он спас детей во время пожара. Детский дом загорелся, а он и Лена оказались рядом. Вот они вдвоём и вытаскивали детей, причём слепых детей. Пожар был поздно вечером, многие уже спали, да и детский дом был расположен в лесочке, не сразу заметили. Они всех деток спасли, только отец Лены не смог выбраться из горящего дома, не успел, только передал последнего малыша, и рухнула крыша. Лене было всего двенадцать лет. А с головой у неё плохо стало уже после того, как она попала под машину. Только баба Валя говорит, что когда её отец вернулся за двумя малышами, которые где-то спрятались в горящем доме, Лена знала, что он погибнет. Она плакала и просила его не ходить в дом, к тому времени народу набежало уже много, «скорая помощь» приехала, пожарные. Лену тоже забрали в больницу, у неё были сильно обожжены руки. Знаешь что, тётя Алёна, я раскопаю эту историю, и напишу о них статью в газету, ведь прошло всего лет десять, должен же кто-то помнить о пожаре.

– Больше. Лену только считали молоденькой, на самом деле она старше, по-моему, она ровесница Светланы, они, кажется, даже в одном классе учились. А Свете недавно тридцать пять исполнилось.

– А почему же тогда все Лену называют девочкой? – удивилась Аля.

– А ты с кем разговаривала, с бабушками, а для них и тридцатипятилетние – девочки.

– Ладно, это не важно, главное, чтобы она со мной поговорить захотела. Что-то интуиция мне подсказывает, враки это, что она ничего не помнит. Так с кем же ты поедешь в Хвойную? – снова поинтересовалась Аля.

– Аляка, не вздумай за мной следить, иначе я надеру тебе уши! – смеясь, пригрозила Алёна Борисовна.

Потом Аля проводила Алёну Борисовну и детей на автобус и вернулась домой. Она вытаскивала свою тетрадь и записала всё, что узнала от Куниной.

Алёна не считала себя пожилой женщиной, как думала о ней Аляка. Ведь ей всего сорок пять, и она старше Аляки на каких-то двадцать лет. Она считала себя симпатичной, стройной, обаятельной женщиной средних лет, которая не встречалась с мужчинами только потому, что не хотела сама. Её сын, ровесник Али, рано стал самостоятельным и уехал из-под маминого крыла в теплые края. Алёне не хотелось, чтобы сын выбирал профессию отца, которого он видел только на фотографии. Семён погиб, когда Коля ещё даже не родился. Николай ушёл в армию, а потом написал матери, что поступил в мореходную школу. И только через три года она случайно узнала, что сын оканчивает школу милиции. Ей только и оставалось, что поругаться с генералом, который всё знал, и смириться с выбором сына. Несколько лет назад Алёна встретила с Русланом Русаковым и продолжала поддерживать с ним отношения, но ставить в известность о своих встречах с мужчиной Аляку не торопилась.

Глава 4

Пока Алёна Борисовна не нашла подходы к психиатрической больнице, Алька решила поговорить со Светланой Рогожкиной, которая жила в новом доме по улице Глущенко. В этот дом переселили всех жильцов старой двухэтажки, рядом со Светланой будут жить и баба Валя, и мать Лены. Светлане досталась двухкомнатная квартира на втором этаже. Квартиры в новом доме не нравились Альке. Кухни крохотные, комнатки маленькие, потолки низкие. Хорошо ещё, что санузел раздельный. Походив по современным квартирам, Аля всё больше любила и ценила свой дом.

Света была дома, но в квартиру Альку не пустила, а вышла на лестничную площадку и довольно грубо спросила, что ей надо. Её тон обидел Алю, и она напрямик спросила:

– Светлана, куда вы дели мою дочь?

– Я её не брала! – возмутилась Рогожкина.

– Сама может и не брала, но что вы причастны к исчезновению Алёнки, я уже установила.

И у вас нет алиби на момент исчезновения девочки.

– А мне и не нужно никакого алиби! И больше не ходи ко мне, а то, не ровен час, и второго ребенка потеряешь! Тебя, кажется, предупреждали в свое время? – зло проговорила Света и скрылась в своей квартире, захлопнув дверь.

Такого поворота событий Аля не ожидала. Ей стало ясно, что Светлана знает, или, по крайней мере, знала, у кого её малышка и решила проследить за Рогожкиной. Она зашла за кусты и села на лежащее там бревно. Это место, скорее всего, служило местом сбора местных подростков: вокруг валялись окурки, в кустах пустые бутылки, которые ещё не успели подобрать местные старушки.

Светлана не заставила себя долго ждать, она выскочила из подъезда и бросилась на остановку автобуса. Аля незаметно последовала за ней. Однако, ждать автобуса Света не стала, а остановила «москвич» бежевого цвета, поговорила с водителем, договариваясь о плате, и быстро села в машину. Альке оставалось только кусать от досады губы. Денег на такси или попутку у неё не было, и номер она не смогла рассмотреть полностью.

Приехав домой, Аля позвонила Наташе. Наташка уже несколько дней не выходила на улицу и старалась не общаться с подругами и окружающим миром. Приближалась сессия, а Наташе надо было сделать курсовую работу по непонятному Альке предмету сопромат. Чтобы двухлетняя Анечка не мешала маме учиться, её отправили в Междуозёрск. Но вчера Наташа должна была сдать работу, а значит, сегодня свободна от своих расчётов и чертежей.

– Алло, – пропела трубка усталым голосом Наташи.

– Привет подруга, как дела? Сдала свою диссертацию? – спросила Аля.

– Сдала, на пять. Ты чем сейчас занимаешься?

– Занимаюсь поиском своей дочки, и мне нужен совет. Я сейчас одна, детей Алёна забрала. Наташ, мне к тебе ехать, или ты ко мне?

– Думаю, что лучше ты ко мне. Сегодня Стас дома, представляешь, он заболел! Так что мы можем воспользоваться ситуацией и кое о чём его расспросить. А потом купим бутылку вина и поедим к тебе праздновать сданную курсовую.

– Очень хорошо. Жди, я уже в пути.

Алька открыла холодильник и заглянула в него, потом обреченно вздохнула и снова позвонила Наташе.

– Наташ, у тебя есть что поесть? У меня пустой холодильник.

– Конечно, у меня же Витька дома, он затаривается всегда основательно.

– Прекрасно! Надо было тебе из города звонить, а не ехать домой.

Алька положила трубку и вышла из дома.

У Наташи была через полчаса. Та уже разогрела борщ, и жарила котлеты.

Алька повела носом.

– Котлеты магазинные? – недовольно спросила она.

– Магазинные. У некоторых и этого нет, только просроченные сырки валяются в холодильнике, – засмеялась подруга. – Слушай, я давно хотела тебя спросить, а зачем ты вообще их покупаешь?

– Сама не знаю, мама на завтрак всегда покупала творожный сырок. Я их так любила. А теперь приду домой, съем половинку и всё, больше в горло не лезет. Наверное, сырки не вкусные, не такие, как во времена моего детства были. Так, я мыть руки и есть твои магазинные котлеты.

Алька съела целую тарелку борща и умяла две котлеты, запила всё это компотом из сухофруктов и довольно улыбнулась.

– Когда ехала к тебе, думала – умру от голода, а теперь чувствую, что умру от обжорства. Ты смотри, что получается – ситуации разные, а результат один.

– Ты говорила, что Алёнку ищешь, и что нашла? – спросила Наташа.

– Кое-что нашла. Вернее, у меня появилась подозреваемая, даже две подозреваемые, но про одну я ещё ничего не выяснила, может, она здесь и ни при чём. А вот вторая связана с похищением моей девочки, это точно. Слушай всё по порядку.

И Аля рассказала, что узнала за последние пять дней.

– И что, твоя Алёна знает, что ты ищешь ребёнка и даже не сказала об этом ни Володе, ни генералу? Тебе не кажется это странным? – удивилась Наташа.

– Кажется. Я думаю, что она влюбилась.

– Это хорошо, если влюбилась, а то всю жизнь одна. А эту Светлану я помню – такая высокая симпатичная дама. И совсем не злая была. Правда, мы с ней не общались, но я хмурой её не видела.

– Но Лену она уволила, со мной поговорить не захотела. Даже угрожала, что если я буду искать Алёнку, потеряю Василька. Наташка, она знает, что я получила письмо с требованием не искать дочку!

– А ты разве получала такое письмо? Давно? – удивилась Наташа.

– Давно, ещё когда милиция искала мою Алёнку, они потому и искать перестали, что тоже получили такие письма. Володя не хотел прекращать поиски, а дядя Вася на него накричал, даже обещал уволить, если с Васильком что-то случится. Интересно, а что нашла милиция, когда ещё искала мою девочку? Ведь не зря же стали письма с угрозами слать? Скорее всего, милиция была на правильном пути, вот и стали ребят запугивать, а заодно и меня.

– И ты нам ничего не сказала! Вот мы сейчас пойдём лечить одного больного капитана, накапаем ему несколько граммов лекарства и попытаемся узнать, – сказала Наташа.

Она открыла шкафчик, достала бутылку водки и передала Але. Сама налила в маленькую кастрюльку борщ, и они пошли в соседнюю квартиру, где уже второй день валялся в постели капитан Станислав Ярославович Сергиенко с ужасно высокой температурой – 37.3.

Наташа открыла дверь ключом, выданным ей Асей на время отсутствия, заглянула в спальню и велела Стасу идти обедать. Он поднялся с кровати и поплелся на кухню. Аля налила в тарелку борщ, поставила перед Стасом бутылку водки и достала стакан. Стас подозрительно посмотрел на неё, но ничего не сказал, только хмыкнув, налил себе пол стакана и выпил, потом начал есть. Ел не торопясь, всё время посматривая на Алю. Наконец тарелка опустела.

– Стас, пора пить пилюли, – Наташа положила перед ним две желтых таблетки и поставила стакан воды.

Сергиенко выпил таблетки и обессилено закрыл глаза.

– Стас, ты хочешь лечь? – спросила Аля. – Я сейчас принесу подушку.

Она убежала в спальню и через минуту вернулась, неся подушку и плед. Девушки уложили мужчину на диван и заботливо укрыли пледом.

– Ладно вам вокруг меня суетиться. Рассказывайте, куда опять влезли? – обречённо спросил Стас.

– Почему сразу влезли? – возмутилась Наташа. – Мы просто проявляем заботу о больном.

– Вчера, когда не было Аляки, ты заботу не проявляла, и водочки мне на обед не предлагала, а отняла бутылку и унесла к себе. И даже ругаться пробовала, когда я не захотел пить эти чертовы таблетки. Меня тошнит от них!

– Стасик, тебя тошнит, потому что ты таблетки вместо воды водкой запиваешь, – улыбнулась Наташа.

– Давай, Аляка, колись, что натворила, – велел Сергиенко.

– Стас, я ничего не натворила, просто мне хочется знать, что вы нашли, когда искали мою Алёнку?

– У нас в отделе розыска пропавших работают Белкина и Голубкина. Их не пробовала спросить? – усмехнулся Сергиенко.

– Они не занимались поиском ребёнка, – скромно ответила Аля.

– Что тебя конкретно интересует?

– Вы проверяли алиби Светланы Рогожкиной? Её никто не видел в то время, когда пропала моя девочка, а она должна была быть на работе.

– Она сказала, что выходила на полчаса в магазин. Роддом же не закрытое учреждение, а она одна ребёнка растит, после работы его из сада забирает и на какой-то кружок отвозит. Вот она и бегаёт в магазин во время работы. Это, конечно, нарушение трудовой дисциплины, но не преступление.

– И вы поверили? – удивилась Аля.

– А почему мы не должны были ей верить?

– Стас, она работу заканчивает в три, а сады работают до семи. И большинство женщин работают до шести часов и успевают и в магазин зайти, и детей забрать. Она вам навешала лапши на уши, а вы и поверили! Значит, Светлану вы не проверяли. А Климову? – не отставала Аля от Стаса.

– Это кто такая?

– Тоже не проверяли!

– Я даже не помню такую. Аля, уже столько времени прошло, неужели ты думаешь, что я помню всех женщин, лежащих в то время в роддоме?

– Мне всё ясно. Даже не знаю, что у тебя ещё спросить? Самое интересное ты не знаешь. О, вспомнила! А Глущенко Лену допрашивали?

– Её я тоже не помню. Аля, прошло уже почти четыре года! Ты сама хоть помнишь, что было четыре года назад?

– Помню: четыре года назад я выписывалась из роддома и у меня из-под носа украли ребёнка. Стас, так кого же вы проверяли? – удивилась Аля. – Всех, кто ближе всего находился к девочке, вы умудрились пропустить.

– Почему ты так решила? Мы проверили всех женщин, которые выписывались с тобой в один день. Проверили персонал. Никто ничего не видел. Девочка как будто в воздухе растворилась. А потом сверху поступил приказ поиски прекратить, Володя поругался с Тихоновым, но пришлось подчиниться. Он ещё какое-то время сам, по личной инициативе вел поиски, но получил выговор. Вот так-то, Аля.

– Не оправдывайся, Стас. Всё я знаю, – вздохнула Аля. – Лена – это санитарка, она как раз работала в то время. И её уволили на следующий день после моей выписки. Не справедливо уволили. А уволила Светлана, старшая медсестра детского отделения. Не сама, конечно, но по её наводке. И Лену упрятали в психушку, держат там уже четыре года почти, навещать

не разрешают даже соседке, говорят, можно только родственникам, а вот их-то как раз у Лены и нет. Нет, есть мать, но она алкоголичка, ей до дочери нет никакого дела.

– Девушку из психбольницы нам не разрешили допрашивать, сказали, что она в невменяемом состоянии. А кто такая Климова? – Сергиенко встал и налил себе полстакана водки. Аня посмотрела на него недовольно, но промолчала.

– Я её не нашла пока, вполне возможно, что она не имеет никакого отношения к похищению, но у неё родился больной ребенок. Я хочу проверить, действительно она сделала операцию девочке, а может просто подменила детей? Мою девочку выдала за свою, а свою, больную, дела куда-нибудь?

– Аля, не надо тебе влезать в поиски, прошло столько времени! Хочешь, я сам найду Климову и поговорю с ней? – он залпом выпил водку.

– Да, поиски придётся пока отложить, экзамены начинаются. А потом поеду на юг с детьми, а вот когда вернусь, тогда займусь поисками вплотную, – Аля посмотрела на Стаса и улыбнулась. – А сейчас я хочу раскопать одну старую историю про одного хорошего человека, который с дочерью спас во время пожара слепых детей, а сам погиб.

– И кто же этот героический мужчина? – поинтересовался Стас.

– Владимир Глущенко – отец Лены, – Аля вкратце рассказала историю, случившуюся несколько лет назад. – Я хочу написать о нём и Лене статью, о Лене в разумных пределах, конечно. А то у нас получается, как в мультике про Шапокляк:

Кто людям помогает
лишь тратит время зря,
хорошими делами
прославиться нельзя!

Пропела Аляка песенку вредной старушки, подражая её голосу, потом закончила:

– Про героя отца мало кто не помнит, а вот про мать алкоголичку знают все, и стараются упрекнуть её Лёну. А почему мать стала пить? Да ведь от горя! Мужа потеряла, дочь заболела. А вы знаете, что она до сих пор ухаживает за могилой мужа? Пьёт-пьёт, а могилку не бросает.

– За могилой ухаживает, а дочь забыла, – ехидно проговорила Наташа.

– Знаешь, Наташка, я ведь с ней не встречалась, а может. и не забыла она про Лёну? Просто ей больно смотреть, как её девочка потихоньку сходит с ума? Люди ведь разные! Кто-то бросается спасать своих близких, если беда приключилась, а кто-то сдаётся и отступает. Первыми мы восхищаемся, поём им дифирамбы, а вторых осуждаем. А надо их понять и помочь. Я часто думаю, как бы я поступила на месте Людмилы, и не нахожу ответа. Я такой ситуации просто боюсь, поэтому, Стасик, желательно, чтобы ваша компания берегла себя и не рисковала понапрасну.

– Аля, ты бесподобна! Мы как раз и не рискуем зря, только по мере необходимости, а вот ваша компания почему всюду лезет? Или вы считаете себя бессмертными? Так могу разочаровать, бессмертный только Кощей в сказках, и то пока на цепях сидит. А как только цепи сняли, появился Иванушка и нашёл яйцо, а в нём и смерть Кощей. А идея у тебя, Аля, хорошая, мне нравится. Я имею ввиду твоё желание написать о Владимире Глущенко, если тебе потребуется помощь, обращайся. А сейчас, девчонки, не обижайтесь, но я поспал бы немного. Очень голова болит, – вздохнул Стас.

– Спи, Стасик, а вечером я забегу, прослежу, чтобы ты проглотил свои таблетки и запил их водой, а не водкой, – Наташа улыбнулась, и они девушки покинули квартиру Сергиенко.

Глава 5

Воскресенье Аля решила посвятить поискам Климовых, поэтому в субботу вечером удобно устроилась в кресле и взялась изучать телефонный справочник. Климовых оказалось несколько страниц. Аля поскучнела, но потом вспомнила, что муж Риты работает директором комбината надомного труда, и стала искать в справочнике этот комбинат. На комбинате был только один номер, недолго думая, Аля его и набрала. К телефону долго никто не подходил, и она уже хотела положить трубку, когда старушечий голос спросил, что нужно.

– Здравствуйте, это Курицына из обкома беспокоит. Скажите, а товарищ Климов уже уехал? – спросила Алевтина официальным голосом.

– Да, примерно два часа назад, – испуганно ответил старушечий голос.

– Подскажите, куда он поехал?

– Домой, на Лестную.

– Куда? – удивилась Аля.

– На Лестную, 28.

– Спасибо, будем искать его там, – Аля положила трубку и снова открыла телефонный справочник. – Так, значит, товарищ Климов живет в большом кривом доме всего остановку от меня. В этом же доме живёт Алексей, только он сейчас работает за границей. Интересно, а его квартира пустует, или в ней кто-нибудь поселился? Проверим. Так на улице Лесной в доме №28 Климовых четверо. Ого, один из них живет на одном этаже с Алексеем! Итак, начнем.

Аля набрала первый номер. Трубку снял мужчина.

– Добрый вечер, а можно пригласить Риту – спросила она тоненьким лилейным голоском.

– А вы куда звоните? – поинтересовался мужчина.

– К Макеевым, мне надо домашнее задание взять, я сегодня в школе не была, – врала Аля, изображая из себя примерную ученицу.

– Ты ошиблась, это квартира Климовых, и школьников у нас уже давно нет, а Рит вообще никогда не было, – ответил ей мужчина

– Извините, – Аля положила трубку. – Так, осталось трое.

Она снова набрала номер. И снова к телефону подошел мужчина, но по голосу Аля определила, что мужчина пожилой. Рита там не жила. В других квартирах тоже.

– Облом! – вслух сказала Аля. – Или ее зовут не Рита, или она уже не жена Климова, или он здесь не живет, а посещает кого-нибудь другого, например любовницу. А имя любовницы я не знаю, и возможно, знать мне его не нужно, так как эта любовница могла появиться у Климова недавно, или у нее никогда не было детей, и заводить она их не собирается. Нет, надо всё же узнать, к кому он на Лесную ездит. Так, позвоним в квартиру Лёшке, узнаем, живёт там кто или нет.

Она снова начала крутить диск, но трубку так никто и не снял. Тогда Аля позвонила генералу.

– Добрый вечер, дядя Вася. Это я!

– Привет, Аля. Что-то случилось?

– Нет, просто решила позвонить. Дядя Вася, а в Лешкиной квартире сейчас кто живёт? – спросила Аля невинным голосом.

Генерал молчал.

– Дядя Вася, вы там как? Живы?

– Зачем тебе Лёшкина квартира? – наконец подал голос генерал.

– Знакомая приезжает, им жить негде, вот я и решила, что ничего не случится, если они поживут в его квартире несколько дней.

– Что за знакомая?

– Жанна.

– Гурина? – удивился генерал.

– Да. Сам знаешь, у родителей Жанны квартирка маленькая, а она теперь с мужем и все такое...

– Аля, квартира Алексея сейчас занята, но если хочешь, я могу их устроить, – предложил свою помощь Василий Иванович.

– Нет, спасибо, мы придумаем что-нибудь сами, – Аля положила трубку и задумалась. – И кто, кто в теремочке живёт? Интересно. Завтра проверю. А сейчас записать всё, что сегодня было, наметить план на завтра и спать. Сколько там натикало? Ого! Уже скоро двенадцать, а я генералу звонила, завтра надо ждать его в гости.

Легла Аля поздно, поэтому поздно и проснулась. Она улыбнулась солнышку и выскочила из кровати. Сегодня предстояло много дел, а времени уже почти девять. Аля выглянула в окно и увидела, что под окном почти распустилась сирень. Сирень она любила, так же как ромашки, колокольчики и георгины. Но всему своё время, сейчас настало время сирени, и Аля решила наломать букет и поставить в зал, чтобы он радовал глаз вечерами. Но ломать сирень под окном она не стала, а побежала в овраг, где сирени было полно и разных цветов. По дну оврага протекала небольшая речка с чистой, прохладной и прозрачной водой, поэтому овраг служил местом отдыха горожан. Аля шла по едва заметной тропинке между кустов и с удовольствием вдыхала весенний воздух. Он был наполнен ароматом отцветшей черемухи и только начинающей цвести сирени. Сирень девушку немного разочаровала – в овраге она еще не зацвела. Аля решила спуститься к речушке и посмотреть там. Её внимание привлекла группа людей, что-то оживлённо обсуждающих. Аля подошла к ним и спросила, что случилось.

– Да в речке женщину выловили, и как можно было умудриться утонить в этом ручье? – ответил ей незнакомый парень.

– А может, она не сама утонула, а ей помогли? – осторожно предположила Аля. – Милицию вызвали?

– Да уж как же без нас! – усмехнулся парень. – Вы бы, девушка, шли своей дорогой, не мешали работать.

Аля приняла его слова к действию, и пошла своей дорогой. То есть, взглянуть на погибшую женщину.

– Куда вы?! Туда нельзя! – возмутился парень.

– Ты что, новенький? – ехидно спросила Аля. – Сам же сказал, иди своей дорогой. Вот я и иду.

Она взглянула на труп и вскрикнула. На неё сразу оглянулись несколько мужчин и женщина, которая сидела на бревне и что-то писала.

– О! Стажёр Голубкина! – засмеялся один из парней.

Аля никак не отреагировала на его слова. Она смотрела на труп широко открытыми глазами и на её лице выступала предательская бледность. Парень подошел к ней и спросил:

– Аль, ты её знала?

– Тарас, этого не может быть. Этого не должно быть!

– Аля, кто она? – снова спросил Тарас.

– Тарас, мне надо позвонить Стасу! Срочно!

Алька бросилась вверх по тропинке.

– Тарас, что там? – спросила женщина.

– Анна Романовна, она, кажется, знает погибшую, – ответил Тарас.

– И кто же это?

– Не сказала, побежала Стасу звонить.

– Так догони её! А то сейчас оповестит весь район.

– Толя, задержи девушку! – крикнул Тарас парню, мимо которого проскочила Аля.

Толя успел поймать ее за руку.

– Не торопись! – усмехнулся он.

– Отпусти, а то укушу! – зло пригрозила Аля.

– Без зубов остаться не боишься? – спросил парень.

– Что?! Да кто ты такой, чтобы мне угрожать?! Только попробуй, тронь меня, сам без зубов останешься!

К ним подошли Анна Романовна и Тарас.

– Аля, как зовут погибшую? – спросила Ермоленко.

– Светлана Рогожина или Рогожкина, не помню точно, работает в роддоме старшей медсестрой детского отделения. Анна Романовна, мне срочно надо позвонить Стасу!

– Хорошо, у нас в машине есть телефон.

– Нет, я лучше из дома. А вы приходите ко мне, я расскажу, что знаю про Светлану.

И накормлю вас.

– Ладно, Аля, иди и жди нас в гости, – разрешила Анна Романовна.

Когда Аля ушла, Ермоленко повернулась к Тарасу.

– Как-то странно она себя ведёт, и труп нашли недалеко от её дома. Тарас, а когда ваш майор приезжает? – задумчиво спросила она.

– На той неделе должен. Ты думаешь, Аля что-то знает? Может, она просто знакома с погибшей, поэтому разволновалась? Или это её подруга...

– Не знаю, спросим у больного капитана, ведь не зря же она так порывается ему звонить, возможно, он тоже что-то знает, – усмехнулась Ермоленко. – Давай, Тарас, заканчивать здесь, а то скоро отдыхающие начнут собираться.

– А вы не боитесь, что девица сбежит? – вдруг спросил Толя, подозрительно поглядывая вслед уходящей Альки.

– Нет, – тяжело и обречённо вздохнула Ермоленко, – я об этом могу только мечтать.

Аля влетела в дом и бросилась к телефону. Она долго держала трубку у уха, но слышала лишь длинные гудки. Стаса дома не было. Аля чуть не плакала. Она набрала номер Наташи и тоже долго слушала противные длинные гудки. Аля положила трубку и заплакала. В таком состоянии и застали ее Анна Романовна, Тарас и Толя.

– Аля, что случилось? – тревожно спросила Ермоленко.

– Их нет дома! – в отчаянии воскликнула Аля.

– Кого?

– Ни Стаса, ни Наташи! Что мне делать?

– Расскажи нам, мы поможем, – заверила её Анна Романовна.

– Нет, мне нужен Стас. Где он может быть? Ещё вчера жаловался, что голова болит, и была температура. Правда, с такой температурой можно жить, но Стас выглядел очень больным, я думала, он будет валяться в кровати не меньше недели.

– А на работу ты ему звонила? – спросил Тарас.

– Так он же болеет! Что ему делать на работе?

– Его могли вызвать срочно, сейчас у нас туго с людьми, майор в отпуске, а Стас за него, – пояснил Тарас. – Аль, ты обещала обед, – наполнил он.

– Будет вам обед. Идите, мойте руки, я уже все разогрела.

Пока они ели, Аля ходила из угла в угол и лихорадочно соображала. Наконец она не выдержала и снова подошла к телефону. На этот раз трубку взяла.

– Алло, Серёжа? Это я. Мне очень срочно нужен Стас, ты не знаешь где он? А можно его вызвать? Очень нужно. Ты шепни ему, что я звонила, и скажи, что Свету убили. Серёжа, пожалуйста, это очень срочно и важно!

Некоторое время было тихо. Потом Аляка закричала в трубку, и её слова отбили всякий аппетит у Тараса и Анны Романовны. Продолжал есть только Толя, он не знал Аляку, и её слова ни о чём ему не говорили.

– Стас, Свету нашли недалеко от моего дома! Её убили, как только я с ней поговорила, вернее, как только она не захотела со мной говорить. Стас, у меня осталась только одна ниточка – это Лена Глущенко. Рогожкина знала, что я собираюсь навестить Лену в больнице, если она своему убийце сказала об этом, он может её тоже убить! Что значит, я обещала? Так я и не делала сегодня ничего, её убила не я, и меня даже не спросили, убивать её или нет?! Стас, не кричи! Что мне делать? Хорошо, – Аля положила трубку, пришла на кухню и села на стул. – А почему вы не едите?

– Аль, куда ты опять влезла? – спросил Тарас.

– Никуда, честное слово. Я с этой Светой даже толком и не поговорила, она захлопнула дверь перед моим носом. Я хотела проследить за ней, но она на попутке уехала.

– А о чём ты хотела поговорить сней? – осторожно спросила Анна Романовна.

– О жизни, – усмехнулась Аля.

– Аля, ты пойми, это может быть очень важно.

– Для кого важно? Для Светланы уже не важно, ей всё равно. И для меня, скорее всего, уже тоже. Мне помочь могла только живая Света, и то, если бы захотела. Но она не захотела. Она накричала на меня, угрожала мне, а потом захлопнула дверь перед моим носом.

– Для нас важно найти её убийцу, – начала сердиться Анна Романовна. – О чём ты хотела поговорить с Рогожиной?

– Анна Романовна, она знает, у кого мой ребёнок!

– Почему ты так решила? – удивилась Анна Романовна.

– Потому что я спросила прямо: ты взяла ребёнка? А она раскричалась и убежала. Она знает, что мне угрожали тогда, три года назад, обещали, что я лишусь сына, если буду искать дочку, а я ведь об этом никому не говорила, только Володе и генералу.

– Тогда тем более важно найти убийцу, а вдруг через него выйдём на ребёнка?

Раздался требовательный звонок в дверь, Аля пошла открывать. В дом просто влетели Сергей Ермаков и Стас.

– Всем привет! Аляка, давай внятно, что случилось? – приказал Стас.

– Ты вот у них спроси, я только знаю, что Свету убили, в моём овраге. Скажи, что она здесь делала? Она же живёт в другом конце города!

– А я откуда могу знать? – удивился Сергиенко.

– Стас, Лене может тоже грозить опасность! Её надо охранять! – горячилась Аляка.

– Опасность может грозить в первую очередь тебе, если смерть Рогожкиной связана с исчезновением ребёнка. Сама ведь спрашиваешь, что она делала около твоего дома? Вполне возможно, её интересовала ты...

– Или твой сын, – тихо перебил Сергиенко Ермаков.

При его словах Аляка вздрогнула, вытаращила глаза и перестала дышать.

– Зачем ей мой сын? У неё же свой есть, – наконец прошептала она.

– Сама говоришь, что она тебе угрожала, – Сергей вскочил со стула и начал бегать по кухне.

– Сергей, перестань мельтешить! – недовольно приказал Стас. – У меня и без тебя голова кругом идёт.

– Но ведь смерть Рогожкиной может быть и не связана с Алей. Она могла погибнуть от рук грабителя, насильника. Так что ты, Аля, не паникуй раньше времени. Мы всё проверим, – попыталась успокоить молодую женщину Анна Романовна. – Но всё же ты перескажи нам свой разговор со Светланой вчера.

– И на какой машине она уехала, – вставил Стас.

Аля пересказала свой разговор с Рогожиной.

– А вот на какой машине она уехала, я не помню, вернее, помню, но не знаю.

– Аль, объясни так, чтобы мы поняли. Как понять твои слова – помню, но не знаю? Ты не знаешь марку машины?

– Да, знаю только, что на легковой, бежевого цвета, – номер машины она почему-то им не сказала.

– Так, Алевтина, придется нам забрать тебя с собой, – принял решения Стас.

– Зачем? – возмутилась Аля.

– Чтобы память твою освежить! – повысил голос Сергиенко. – Ты что думаешь, я не знаю, что ты знаешь номер?

– Почему ты так решил? – удивилась Аля.

– Потому что вчера ты сказала, что не до конца его рассмотрела. Что ты рассмотрела?

– Я забыла.

– Собирайся!

– Никуда я не поеду! У меня сегодня запланировано уйма дел, некогда мне раскатывать туда-сюда.

– Алевтина, не буди во мне зверя, – тихо сказал Стас и посмотрел на неё взглядом разгневанного орангутанга.

Аля лихорадочно думала, чтобы такого умного сказать, чтобы от неё отстали. Её думы прервал звонок в дверь, Аля облегчённо вздохнула и пошла открывать. На пороге стоял Иволгин.

– Я так и знала, что ты сегодня приедешь, – усмехнулась она.

Генерал прошёл на кухню и, усмехаясь, спросил:

– По какому поводу сие собрание?

Анна Романовна только собралась ответить, но Аля опередила её:

– Они зашли пообедать.

– Обед в десять часов, не рановато?

– Или позавтракать. Какая разница?

– Большая, Аля. Завтракают в выходной день в основном дома, если только в срочном порядке не приходится ехать к черту на кулички. Так что случилось?

– В овраге нашли убитую женщину, а я пригласила ребят перекусить. Что здесь такого? – пожалала Аля плечами.

– Ты нашла? – спросил её Иволгин.

– Нет, я пошла в овраг за сиренью, натолкнулась на них и пригласила к себе. Это суцая правда!

– Так, хорошо. А теперь скажи мне, зачем тебе квартира Лёшки понадобилась?

– Генерал, ребята очень торопятся. Давай их проводим, а потом ты задашь мне свои скучные вопросы, – Аля искоса посмотрела на Стаса.

– Я их не держу, – усмехнулся генерал.

– Дело в том, Василий Иванович, что мы с собой хотели Алевтину забрать. У нас к ней есть вопросы, – сказал Стас, – вот она и пытается нас выпроводить, думает, что при вас мы не посмеём её тронуть.

– Так, я ещё вчера почувствовал, что опять влезла куда-то, когда ты вдруг стала интересоваться Лёшкиной квартирой. Аля, зачем тебе квартира?

– Я же вчера всё объяснила.

– Вчера ты мне врала, причем даже не вдохновенно. Жанна сдает экзамены, и в ближайшее время навещать родителей не планирует. И так, я весь во внимании.

Аля молчала и, опустив голову, изучала носки своих тапочек.

– Аля, не молчи!

Аляка разрыдалась и выбежала из кухни. Ермаков бросился за ней. Восстановилась гнетущая тишина.

– Генерал, она ищет ребёнка, – нарушил тишину Стас, – и вчера пыталась поговорить со Светланой Рогожкиной, а сегодня рано утром Рогожкину нашли в овраге.

– Она не прекратит поисков, – вздохнула Ермоленко. – А вдруг Аля права, и гибель Светланы связана и исчезновением ребёнка? Если она не прекратит поиски, жертвы будут ещё. Но вы знаете, на теле женщины следы от насилия, и засос на шее, как у жертвы из Кротова. Мне кажется, преступник один. Так что гибель Светланы может быть и не связанной с Алякиными поисками. Стечение обстоятельств.

– Всё может быть. Но знаете, Василий Иванович, мне стыдно смотреть Аляке в глаза: ведь мы могли найти ребёнка. Я уверен, что мы были на правильном пути, – тихо сказал Сергиенко.

– Капитан, мы могли найти девочку, но ведь и Аляка могла потерять сына, а рисковать мальчиком мы не имели права. Что у вас тогда было? Ничего, даже предположений не было.

– Почему ничего? Видно, что-то было, раз похитители занервничали и стали слать угрозы.

– Давайте не будем себя бичевать. А за девушкой надо присмотреть, как бы дров не наломала. Генерал, нам надо ехать, – первая встала Анна Романовна.

– Хорошо, я тоже поеду, – направился к выходу Иволгин.

– Василий Иванович, подбрось нас с Сергеем до центра, а то мы с ним безлошадные, – попросил Стас.

– Поехали, а с Алякой сейчас бесполезно говорить, только плакать будет.

Стас позвал Сергея, и через минуту дом опустел.

Глава 6

Аля лежала на кровати и решала, чем ей заняться сегодня в первую очередь. И решила поехать на Лесную, разведать обстановку на месте. Она быстро оделась и пешком направилась к большому кривому дому. Идти минут двадцать, но Аля не торопилась, поэтому на дорогу затратила не менее получаса. Она обошла дом вокруг и заметила несколько лавочек в кустах около подъезда, в котором находилась Лёшкина квартира. На одной из лавочек сидели две старушки и оживлённо о чём-то беседовали. Одна из старушек была невысокого роста, но полненькая, другая наоборот – высокая, но худая. Аля подошла и села на соседнюю скамейку. Бабки замолчали и принялись с любопытством её рассматривать. Наконец высокая старушка спросила:

– Ищешь кого, дочка?

– Нет, – улыбнулась Аля, – жду. Вы не скажете, а в сорок восьмой квартире кто сейчас живёт?

– В сорок восьмой? Там парень живёт, только он сейчас за границей работает, а за квартирой женщина присматривает, говорят – мать его. Только Алёшка рос без матери, с одним отцом, мать уже после появилась, когда у него жена погибла. Но и её что-то давно не видно.

– Она в Междуозёрске с девочкой, – пояснила Аля, – а в квартире кто-то сейчас живёт. Вот только не знаю, кто и долго ли он будет её занимать?

– А тебе зачем? – поинтересовалась другая старушка.

– Хочу ремонт делать, надо где-то пожить недельку. Вот я и хотела занять Лёшину квартиру, надо только узнать, когда она освободится. Звонила – никто трубку не поднимает, приехала – а никого нет дома.

– Мужчина живёт, видный такой, и женщина иногда к нему приходит. Не молодая уже, но и не старая, лет сорок ей, и мужчине тоже лет сорок или около этого, – выкладывали информацию словоохотливые старушки.

– А я тебя, девонька, помню, ты на похоронах Наденьки была, тебя Алькой звать. Правильно? – спросила высокая старушка.

– Правильно, – улыбнулась Аля.

– Жалко Наденьку, такая хорошая девушка была. Мы так за Лёшку радовались, когда он на ней женился, и девочка родилась. И любил он её очень! Скажи, а это правда, что наш Лёшка её из-под носа мужа увёз? – поинтересовалась полненькая старушка.

– Почти правда, – засмеялась Аля. – Надя была замужем, а муж загулял, любовница забеременела, он и прогнал Надю. А тут Лёшка приехал в Междуозёрск, встретил её и, недолго думая, увёз к себе. Муж опомнился, но было уже поздно, Надя полюбила Лёшу и возвращаться к мужу отказалась.

– Так они с Лёшей что, не расписаны были? – удивилась полненькая бабка, которую звали Матрёной.

– Надя развелась с мужем и официально вышла замуж за Алексея, – удовлетворила любопытство старушек Аля.

– А правда, что у Нади там тоже ребёнок остался? – теперь уже спросила высокая бабка Пелагея.

– Правда, сейчас девочке десять лет, она с бабушкой живёт.

– Вот ведь судьба какая – обе сиротами остались, – прослезилась Матрёна.

– Да вы не волнуйтесь, девочки не пропадут, мы их все любим, – успокоила бабушек Аля.

– А ты сама кем Лёшке приходишься? – поинтересовалась Пелагея.

– Подруга, мы дружим домами, если можно так сказать.

– Подруга значит? А муж у тебя есть? – не отставала Пелагея и подозрительно посмотрела на Альку.

– Мужа у меня нет, но дети есть, двое – мальчик и девочка.

– У нашего Лёшки тоже теперь жены нет, – как-то загадочно проговорила бабка Пелагея.

– Успокойтесь, бабушки, на вашего Лёшку я не претендую. Да и неизвестно, когда он вернется. И люблю я отца своих детей.

– Почему же тогда не женитесь? – не отставала Пелагея.

– Потому что он любит другую женщину, – печально улыбнулась Аля.

– А как же дети?

– А детей я выращу, у нас в стране каждая вторая мать растит детей одна.

– Правильно, девка, лучше уж никакого мужа, чем муж алкоголик или тунеядец, – подержала её Матрёна.

– Вот как раз отец моих детей и не алкоголик, и не тунеядец. Он просто полюбил другую женщину, красивую и образованную, а со мной у него было мимолетное увлечение, которое закончилось ещё до рождения детей. Это я его люблю, а не он меня. Ладно, бабушки, хватит о печальном. Скажите, а Тихона Осиповича Климова вы знаете? – осторожно спросила Аля.

– Тишку-то? Знаем, конечно! Только он тут редко появляется, у него ещё квартира есть в центре где-то. Тихон там живёт со своей второй женой, а эту квартиру Тамаре оставил. Только ведь и Томка здесь не живёт, всё по санаториям разъезжает, говорит, сердце слабое, только врёт, здоровая она, а на юга каждое лето ездит, чтобы денег заработать. А в квартире нянька живёт с девочкой, дочкой Томкиной. Вот только кто отец – неизвестно. Сама Тамара утверждает, что Тихон. Он действительно ей помогает, прислугу держит, няньку для ребёнка, да и сам иногда приезжает, и даже на ночь остаётся, если Томка дома.

– А чего же они разошлись тогда? – поинтересовалась Аля.

– Точно не знаю, но бабы говорят, застукал Тихон Томку с мужиком, с другом своим, а друг этот большую должность в обкоме занимает. Томка уже беременная была, поэтому и записана девочка на Тихона. Но вот что я тебе скажу, девонька, Тихон сам не святой! Не успел разойтись с одной, как женился на другой, и та тоже родила ему девочку. Вот ведь как получается, жил мужик до сорока лет бездетным, и вдруг сразу две дочки появились! Да ещё от разных баб! А Тихон почему тебя интересуется? Уж не он ли отец твоих детей? – поинтересовалась Матрёна и в её глазах загорелись любопытные огоньки.

– Нет! – засмеялась Аля. – Я с его женой в больнице лежала, давно, четыре года назад. Только, мне кажется, её Ритой звали, а не Тамарой.

– Рита, это, наверное, вторая жена, её мы не знаем, – с сожалением произнесла Матрёна. Аля посмотрела на часы и вздохнула.

– Наверное, не дождусь я квартиранта. Приду в другой раз, – Аля встала, попрощалась со старушками и пешком направилась в сторону своего дома.

До приезда детей ей хотелось записать все сегодняшние события и наметить план действий на завтра.

Руслан расплатился с таксистом и направился к подъезду. На скамейке, как всегда, сидели кумушки пенсионного возраста и перемывали косточки всем, кто попадался им на глаза.

– Здравствуйте! – поздоровалась с ним баба Матрёна, – а вас девушка дождалась, да вот не дождалась.

– Какая девушка? – удивился Руслан.

– Маленькая, худенькая, у неё ещё глаза немного косят, – описала девушку Пелагея.

– Да, говорит, когда вы уедете, она сюда переберётся, потому что у неё дома ремонт затеивается, – вторила Пелагеи Матрёна.

– А как звать её – не знаете? Случаем, не Алей? – спросил Русаков.

– Алька, она самая! – обрадовались бабки.

Зайдя в квартиру, Руслан первым делом снял трубку и позвонил генералу.

– Василий Иванович, добрый вечер. Извини, что беспокою поздно, но ваша Алька не собирается делать ремонт?

– Сегодня утром про ремонт речь не шла, я был у неё. А в чем дело?

– Да бабки на лавке мне сейчас сказали, что она меня ждала, говорит, что ей нужна квартира на время ремонта.

– А ещё она могла бы придумать, что будут травить тараканов. Вчера мне плела, что приезжают её друзья и им негде жить. Ей позарез нужна эта квартира, вот только не знаю, зачем. Ты когда уезжаешь?

– Завтра, но, надеюсь, что ненадолго, так что квартиру хотел бы сохранить за собой.

– Не переживай, в Лешкину квартиру я её не пущу. Хочет делать ремонт, пусть живёт у Алёны. Но я уверен, что никакого ремонта не будет. Да и не потащит она детей на чужую квартиру. А вот что ей понадобилось в вашем доме, очень интересно. Ты вот что, Руслан, спроси у бабок, про кого она ещё спрашивала у них? Чует моё сердце, замыслила она что-то.

– Хорошо, потом перезвоню тебе, – Руслан положил трубку и задумался.

Потом переоделся и пошёл к бабкам на скамейку. Они были рады его вниманию, и пересказали почти весь разговор с Алькой, при этом кое-что добавив от себя и немного рассказав про саму Альку то, что даже она сама про себя не знала.

Придя домой, Руслан сразу позвонил Иволгину, но не дозвонился, а потом пришла Алёна, и он совсем забыл об Альке.

Глава 7

В понедельник вечером Алёна Борисовна дала Але номер телефона своего знакомого, работавшего в больнице в Сухановке. В этот же вечер Аля позвонила ему и договорилась о встрече в кафе в парке. Артем Николаевич Греков, тридцати пяти лет, среднего роста и средней внешности. Единственное, что бросилось Але при знакомстве – это глаза. Их цвет было трудно определить, но Аляке показалось, что Артем Николаевич своим взглядом прочитал все её мысли. Она смутилась и опустила глаза, поэтому не видела, как он рассматривал её, слегка ухмыляясь.

– Итак, вас зовут Алей и вы хотели со мной поговорить, – закончив её рассматривать, начал разговор Артем Николаевич.

– Артем Николаевич, расскажите мне о Лене Глущенко, – попросила Аля.

– А почему вас вдруг заинтересовала Лена?

– Она моя подруга, меня долго не было в городе, я недавно приехала и узнала о её болезни. Вот, решила поведать, а меня не пускают к ней.

– Аля, я забыл вас предупредить, чтобы вы не ввали, – Артем Николаевич улыбнулся, – вы ведь хотите, чтобы я вам правду сказал? Так и вы тоже должны сказать мне правду. И желательно всю.

Аля подняла глаза и встретилась с пронизательным взглядом врача.

– Вы умеете читать чужие мысли? – с интересом спросила она.

– Почему вы так решили?

– А как тогда вы узнаете, правду я вам сказала или нет?

– Милая девушка, поверьте, это совсем не сложно. На вашем прекрасном личике все написано. Вы не умеете врать, – засмеялся Артем Николаевич.

– И это так заметно? Но иногда своих друзей я обманываю, когда они хотят узнать то, что им не положено, – улыбнулась Аля. – Артем Николаевич, вы мне поможете?

– В чём? Вы ещё мне ничего не рассказали.

– Причины у меня две, чтобы поговорить с Леной. Первая – это поиски моей дочери, а вторая – я хочу написать статью о Лене и её отце. Вы знаете её историю? Как они с отцом детей спасали?

Аля рассказала, что она узнала про пожар в детском доме, про пропажу девочки.

– А как вы поступите, если выяснится, что Лена имеет отношение к пропаже ребёнка? – спросил Артем Николаевич.

– Не знаю, чтобы что-то решить, надо поговорить с самой Леной. Но мне почему-то кажется, что Лена не участвовала в похищении. И потом, я хорошо отношусь к людям, у которых есть способности, которых нет у других. И не считаю, что они больные и их надо изолировать от общества! – Аляка с вызовом смотрела на Артема Николаевича. – Вот скажите, почему вы, психиатры, такие вредные? Почему вы держите людей за решетками, если они не преступники, а просто больные люди? Что страшного в том, что Лена говорила, что видит будущее? Что она общается в каком-то ином мире со своим погибшим отцом? Вы не можете проверить, правду она говорит, или нет!

Он улыбался.

– Вы такая потешная, когда сердитесь.

– Я не сержусь пока. Сердиться я начну, если вы захотите меня обмануть.

– А вы как определите, вру я или правду говорю? – прищурил глаза доктор.

– Пойму, будьте уверены! Так вы мне расскажите о Лене?

– Да ведь мне и рассказывать нечего. Я познакомился с ней, когда она уже пролежала в больнице около месяца. Хлопот медперсоналу не доставляла, было спокойна и первое время

много спала. Причём её не пичкали, как других, нейролептическими средствами и транквилизаторами. Вы не поверите, но она у нас отдыхала. Она ведь с четырнадцати лет вынуждена была пойти работать, так как мать сильно запила и была уволена с работы. И на заводе, куда девочка устроилась через комиссию по делам несовершеннолетних, её просто эксплуатировали, так как знали, что идти ей некуда. Работать заставляли много, а платили совсем мало, и эти крохи мать пропивала. Сама понимаешь, малолеток не очень любят брать на работу. Лена жалела маму, она и сейчас её жалеет. Трудная у неё жизнь была. В начале Лена рассказывала разные небылицы о мире, в котором живёт её отец и в который она тоже скоро уйдёт. Но серьёзно её рассказы никто не воспринимал. У нас такие байки многие рассказывают. Но однажды ко мне обратилась молодая женщина, назвалась подругой Лены и попросила с ней свидание, прямо как вы сейчас. Я разрешил, а после её ухода девушке стало плохо. Мы с трудом её откачали. Но Лена впала в депрессию, и из этого состояния она уже не вышла. В настоящее время она невменяема, и ничего вам о событиях трехлетней давности сказать не сможет.

– И почему это я вам не верю?

– Воля ваша.

– Артем Николаевич, зачем вы держите её в больнице? – тихо спросила Аля и пристально посмотрела в глаза врачу.

– Я вам только что сказал – она невменяема.

– И при этом она продолжает жалеть свою мать-алкоголичку? – усмехнулась Аля.

– Возможно, я не так выразился: она жалела её, пока совсем не потеряла рассудок.

– Артем Николаевич, а вы можете описать женщину, которая навещала Лену?

– Навещала её соседка...

– Соседку я знаю, с ней я уже поговорила. Вы мне опишите ту женщину, после посещения которой Лене стало плохо.

– Аля, прошло уже больше трех лет!

– Пожалуйста, хоть что-то вам бросилось в глаза?

– Странная женщина, очень сильно накрашена, и безвкусно, одета была в плащ серого цвета, на голове берет.

– А как она назвалась?

– Назвалась знакомой, сказала, что они дружат семьями.

– И всё? И вы её пропустили? А меня почему к ней не пускают? Я же тоже сказала, что подруга.

– Вот после посещения Лены этой дамой, мы и перестали пускать кого попало.

– Я не кто попало! А почему перестали соседку пускать? Она же к ней и раньше приходила, кроме неё никто Лену и не навещал.

– Лена сама никого не хотела видеть. Её состояние резко ухудшилось, она даже пыталась покончить жизнь самоубийством.

– Артем Николаевич, а можно мне её увидеть? Прошло уже много времени, но вдруг Лена вспомнит что-нибудь про мою девочку?

– Я не вижу в этом смысла.

– Зато я вижу! Разрешите мне на неё хотя бы посмотреть, – настаивала Аля.

– Аля, это не зоопарк!

– Я знаю, и всё же? Вы можете мне или надо искать окружные пути?

Артем Николаевич минуты три молча рассматривал Альку, потом произнес:

– Это не входит в мою компетенцию.

– Здрате – пожалуйста! Вы разве не врач?

– Врач.

– А я думала – бухгалтер!

– При чем здесь бухгалтер? – не понял Греков.

– Так ведь это бухгалтерия послала меня к врачу, а вы к кому пошлёте? К министру здравоохранения?

– Ни к кому, но встречаться вам с ней не стоит.

– Почему? И что же мне делать?

– Идти домой и готовиться к экзаменам.

– Экзамены у меня не скоро.

– Вы так считаете? Что-то мне подсказывает, что сессию вы не сдадите, если, конечно, готовиться не будете.

– Значит с Леной мне официально не поговорить?

– И не вздумайте искать лазейки! Нарветесь на неприятности, – предупредил Греков.

– У меня уже столько было этих неприятностей, что одной больше, одной меньше, роли не играет, – махнула рукой Аля.

– И какие же у вас были неприятности? – ехидно спросил Артем Николаевич.

– У меня погибла мама, когда я была ребёнком, и меня отправили в детский дом.

– И в детском доме вы подружились с Наташей. Кто знает, не попади вы детский дом, и не было бы у вас такой преданной подруги?

– Но я так любила маму! Я до сих пор иногда плачу, когда думаю о ней. А с Наташей я могла встретиться и без детского дома, у нас есть общие знакомые.

– Ты Наташе нужна была больше, чем она тебе. Возможно, ваша встреча была predeterminedena свыше, – серьёзно сказал Артем Николаевич.

– Потом меня беременную бросил любимый мужчина.

– А может это не неприятность, а проверка ваших чувств?

– Может со временем это и будет проверкой, но пока неприятность. Даже больше, чем неприятность! Это катастрофа и крах всех моих мечтаний о счастливой семейной жизни. Я, Артем Николаевич, отношусь к слабым женщинам, которым нужен любящий мужчина, чтобы быть за ним как за каменной стеной. И хотя у меня много друзей и есть кому помочь, но Кирилл мне не хватает. Я уверена, что больше никого не сумею полюбить. Но самое главное – у меня украли ребёнка, а вы не хотите, чтобы я его нашла!

– Но у тебя остался сын, у тебя есть Танечка, которой ты нужна.

– А вы откуда знаете? Про Наташу, про сына, про Таню? – удивилась Аля.

Артем Николаевич смутился.

– Я знаю больше, чем ты думаешь. Все, Алевтина, аудиенция окончена. Тебе пора домой.

– Я всё равно найду способ поговорить с Леной. Вы меня ещё не знаете! – Аля встала, бросила на доктора сердитый взгляд и вышла из кафе.

Греков ещё немного посидел в кафе, заказал себе кофе и о чём-то сосредоточенно думал. Наконец он тоже встал и направился к выходу.

Жил Артем Николаевич рядом с больницей, в пятиэтажном доме, построенном специально для сотрудников. Его квартира находилась на втором этаже. Артем Николаевич быстро избежал по лестнице и открыл дверь. Навстречу ему вышла жена с маленьким сыном на руках.

– Привет, дорогой, ты чего сегодня так долго? – спросила она.

– У меня была встреча в городе.

– Важная встреча?

– Да как тебе сказать? Моя знакомая попросила меня поговорить с одной девицей относительно моей пациентки.

– А почему ты такой расстроенный?

– Да боюсь, что эта девица может наломать дров.

– Обратись куда надо! Мой руки и за стол! Я сейчас, только Ваньку уложу, он у меня сегодня целый день капризничал, зубки у нас растут, – женщина поцеловала сына и унесла в комнату.

Артем Николаевич подошёл к телефону и набрал номер Алёны Борисовны, но той дома не было. Во всяком случае, трубку никто не снял.

За столом, поглощая пельмени, Артем Николаевич был хмур и искоса посматривал на жену.

– Артем, ты что-то хочешь рассказать? – улыбаясь, спросила жена.

– Хочу. Знаешь, с кем я встречался? – загадочно спросил он.

– Ты сказал – с девицей. Надеюсь, у вас была не любовная встреча?

– Нет, не любовная. А кем интересовалась эта девица?

– Тём, не говори загадками! Хочешь рассказывать – рассказывай, не хочешь – не рассказывай.

– Она интересовалась Леной Глущенко.

– Да ты что?! – удивилась жена, – Уже столько времени прошло! И что её интересовало?

– Поговорить она с ней хочет.

– Зачем?

– У неё две причины. Одна – это поиски ребёнка, пропавшего несколько лет назад из роддома.

– А ты ей сказал, что Лена невменяема?

– Сказал, но она мне не поверила. У меня сложилось впечатление, что эта девушка верит только себе.

– А вторая причина?

– А вот про вторую причину я раньше не знал. Она хочет написать статью о Лене и её отце.

– Не поняла?!

– Понимаешь, милая, оказывается, наша Леночка в свое время совершила подвиг, не одна, конечно, а вместе с отцом. Они спасли во время пожара слепых детей. Вот откуда и ожоги на руках. Об этом и хочет девица написать. И мне очень жаль, что написать ей не придется.

– Почему? – тихо спросила жена.

– Не разрешат.

– А что по поводу ребёнка?

– Не знаю. Она ищет девочку, но пока безрезультатно.

– И ты не хочешь ей помочь?

– Не знаю, милая. Ты же знаешь, это не от меня зависит.

Их разговор прервал плач ребёнка, женщина встала и пошла к малышу, а Артем Николаевич остался сидеть за столом.

Глава 8

Неделя пролетела незаметно. Не успела Аля оглянуться, как и подошло время первого экзамена. Аля сидела около окна и с тоской смотрела на проносящиеся мимо автомобили. Иногда она бросала тоскливый взгляд на билет, и ей становилось еще тоскливее. Кругом одна тоска!

«История школ и направлений в литературе, – еще раз прочитала Аля и снова отвернулась к окну. – И зачем их заставляют учить эту историю, ведь живут они в двадцатом веке! Надо знать современную литературу, а не то, что было когда-то давным-давно», – думала Аля. Она посматривала на преподавателя Лилию Алексеевну, пытаюсь определить, какое у нее сегодня настроение и можно ли говорить всё подряд, не вдаваясь в тему, в надежде, что поток слов утомит преподавателя, и та постарается как можно быстрее избавиться от нудной студентки.

Лилия Алексеевна слушала очередную студентку и с трудом сдерживалась, чтобы не зевнуть. Отвечали заочники плохо, мысли их были заняты детьми и житейскими проблемами, а не учёбой. Но ведь они пришли учиться на этот факультет и знать свой предмет обязаны. Иначе, чему они могут научить детей? Поэтому Лилия Алексеевна ставила двойки безжалостно. Слушая очередную студентку, она не забывала посматривать в аудиторию, где готовились к ответу остальные. Её взгляд постоянно наткнулся на поникшую фигурку Аляки. Лилия Алексеевна была уверена, что девушка к экзамену не готова, и ей было неприятно, что именно к её предмету она не готова. До сегодняшнего дня в зачетке у Голубевой троек не было.

Наконец аудитория опустела, и Аляке ничего не оставалось делать, как садиться перед Лилией Алексеевной и выкладывать все свои знания. А знаний было немного, поэтому и пришлось говорить все, что хоть самым малым образом относилось к литературе давно прошедших веков. При этом говорила она громко, быстро, проглатывая окончания и не соблюдая знаков препинания.

– Аля, учитывая твои былые заслуги, я имею в виду твою хорошую контрольную работу, я могла бы поставить тебе тройку, но вначале хочу знать, почему ты не подготовилась к экзамену? И на консультации тебя не было, – перебила бурный поток её знаний Лилия Алексеевна.

– Я забыла! Понимаете, забегалась и забыла про экзамен. Я ещё себе даже учебный отпуск не оформила, сегодня пойду на работу. Но вы не думайте, что я совсем ничего не знаю, просто мне билет неудачный попался.

– И что же мне с тобой делать? Отвечала ты, прямо скажу, плохо.

– Я знаю, – тихо сказала Аля.

– Так что мне делать? Ставить тебе тройку? Или ты все же подготовишься, и мы встретимся ещё раз?

– А когда?

– Когда будешь готова.

– Хорошо.

– Что хорошо?

– Я подготовлюсь, – пообещала Аля.

– Тогда по домам! Устала я слушать ваш откровенный бред, – засмеялась Лилия Алексеевна.

Заваленный экзамен почему-то не очень расстроил Алю. Ей было просто неприятно, что завалила она именно предмет Лилии Алексеевны. Девушка решила, что впредь будет откладывать все дела во время сессии и заниматься только учёбой. Следующий экзамен только через десять дней, да и то она не сомневалась, что его сдаст, поэтому Аля решила не откладывать поиски Алёнки. Она вытащила тетрадь и ещё раз перечитала записи.

– Так, у меня наметились две проблемы: это разговор с Леной и связи Светланы. После разговора со мной Света бросилась к кому-то с докладом и была убита. Непонятно только, почему около моего дома? Этот кто-то живёт недалеко от меня? А может, это просто случайность? А вдруг она шла ко мне, и её подстерег маньяк? Да, но что она бросилась кому-то сообщать обо мне, это точно, а это значит, надо устанавливать ее связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.